

Санкт-Петербургский государственный университет

КИТАЕВА Ксения Владимировна

Выпускная квалификационная работа

***Публичная дипломатия Республики Корея в Тихоокеанском регионе
на современном этапе***

Current public diplomacy of the Republic of Korea in the Pacific region

Уровень образования: магистратура

Направление *41.04.05 «Международные отношения»*

Основная образовательная программа *ВМ.5560* «Исследования Тихоокеанского региона»*

Научный руководитель:
заведующая кафедрой «Американские исследования»
факультета международных отношений СПбГУ,
доктор исторических наук,
профессор Цветкова Наталья Александровна

Рецензент:
заместитель редактора,
Закрытое акционерное общество
«Межгосударственная телерадиокомпания «Мир»,
Хохлов Алексей Рэдович

Санкт-Петербург

2019

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы публичной дипломатии	10
1.1. Доминирующие концепции публичной дипломатии в современном научном дискурсе	10
1.2. Южнокорейская специфика публичной дипломатии	21
Глава 2. Система публичной дипломатии Республики Корея	29
2.1. Процесс эволюции публичной дипломатии Республики Корея	29
2.2. Публичная дипломатия Республики Корея: государственная концепция и механизмы	42
2.3. «Халлю» - движущая сила публичной дипломатии Республики Корея	50
Глава 3. Характерные особенности публичной дипломатии Республики Корея в Тихоокеанском регионе	59
3.1. Северо-Восточная Азия: политика «халлю» и антихаллю	59
3.2. Юго-Восточная Азия: дипломатия «средней державы»	65
3.3. «Великие державы» - Россия и США в системе публичной дипломатии Республики Корея	69
Заключение	75
Список использованных источников и литературы	79

Введение

На рубеже XX – XXI вв. международные отношения претерпели значительные потрясения, изменившие их структуру: появились новые акторы, чья деятельность не имеет привязки к интересам конкретных государств, а цели некоторых из них представляют угрозу международной безопасности. Изменения также коснулись расстановки сил на международной арене, где Соединенные Штаты Америки заняли лидирующую позицию, правомерность которой была существенно подорвана после трагических событий 11 сентября 2001 г. Все это происходило на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, которые позволили государству вывести реализацию своего внешнеполитического курса в совершенно новое измерение, обладающее исключительным для него набором инструментов, методик и вызовов. Совокупность данных факторов создала условия, в которых возникла необходимость выработки теории, способной объяснить сложившуюся действительность и сформулировать основу для стратегии успешного функционирования государства с минимальными для него потерями. Этой теорией стала впервые представленная Дж. Наем в 1990-м г. концепция «мягкой силы», в соответствии с которой государство имеет возможность добиваться своих целей посредством привлекательности. В рамках концепции в качестве основного инструмента трансформации «мягкой силы» в реальную политическую практику выступает публичная дипломатия.

По словам Н. Сноу, ведущего мирового специалиста по вопросам публичной дипломатии и методов пропаганды, «сегодня Республика Корея является центром публичной дипломатии». ¹ Действительно, на данный момент существует довольно очевидная тенденция того, что многие страны Тихоокеанского региона, особенно его азиатской части, становятся мировыми лидерами в области исследований и практической реализации различных форм новейших технологий, в том числе, в сфере политики. Для всей современной системы международных отношений в целом характерно смещение центра силы в сторону Тихоокеанского региона, где ее наиболее крупные игроки борются за обладание наивысшим властным положением. Региональная конкуренция проходит в условиях обострения тлеющих на протяжении долгого времени очагов конфликтов, возникших на почве национальных и территориальных разногласий. В частности, в течение последних двух лет наблюдается новый виток развития кризисной ситуации на Корейском

¹ Блог «Korea is the heart and “Seoul” of public diplomacy these days». URL: <https://www.instagram.com/p/BpqpCwkDvBc/> (дата обращения: 25.05.2019).

полуострове, что повышает повсеместный уровень напряженности в регионе. Учитывая текущие обстоятельства, для Республики Корея особенно важно укреплять свое положение, будучи средней державой – государством, обладающим относительно меньшим объемом ресурсов «жесткой силы» по сравнению с великими державами, но способным делать значительный вклад в процессы поддержания мира и глобального развития посредством ресурсов «мягкой силы».

В этой связи правительство Республики Корея обозначило публичную дипломатию в качестве одного из важнейших внешнеполитических инструментов, закрепив это принятым в 2016 г. законодательным актом «О публичной дипломатии». Следует отметить, что данный закон стал ключевым элементом в начале процесса институционализации практики осуществления публичной дипломатии южнокорейским государством, которая, в свою очередь, имеет гораздо более продолжительную историю. Таким образом, исследование этапов развития публичной дипломатии Республики Корея и выявление особенностей ее реализации в Тихоокеанском регионе имеют по-настоящему важное значение для углубления знаний о публичной дипломатии в целом, а также о существующих вариантах адаптации данного инструмента внешней политики в различных странах. Необходимо добавить, что одним из направлений программы фундаментальных научных исследований РАН на 2013-2020 гг. заявлено «формирование комплексной теоретической модели «мягкой силы», применяемой в системах политических, культурных и международных коммуникаций»², также свидетельствующее об актуальности данной исследовательской работы.

Объектом исследования выступает внешняя политика Республики Корея в Тихоокеанском регионе. **Предметом** исследования является публичная дипломатия Республики Корея в качестве одного из основных внешнеполитических инструментов государства на современном этапе.

Хронологические рамки исследования охватывают временной период с 1948 г. по 2019 г., где выбор нижней границы обусловлен датой образования Республики Корея как самостоятельного государства, с момента чего был начат процесс закладывания основ ныне существующей системы публичной дипломатии страны. **Географические рамки** исследования расположены в Тихоокеанском регионе и ограничены следующими

² Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013 - 2020 годы / Российская Академия Наук. – 2012. – С. 203. URL: <http://www.ras.ru/scientificactivity/2013-2020plan.aspx> (дата обращения: 25.05.2019).

государствами: Республика Корея, Китай, Япония, КНДР, страны АСЕАН, США и Россия. Выбор именно этих государств обусловлен необходимостью как можно более полным образом изучить особенности публичной дипломатии Республики Корея в регионе на основе широкого разнообразия ресурсов «мягкой силы» страны.

Цель данной исследовательской работы – выявить особенности реализации публичной дипломатии Республики Корея в Тихоокеанском регионе на современном этапе. Данная цель была реализована посредством решения следующих **задач**:

1. Проанализировать существующие концепции публичной дипломатии, преобладающие в современном научном дискурсе;
2. Показать специфику трактовки концепции публичной дипломатии южнокорейскими исследователями;
3. Проследить процесс эволюции публичной дипломатии Республики Корея;
4. Раскрыть сущность государственной концепции публичной дипломатии Республики Корея;
5. Установить основные механизмы и ресурсы осуществления публичной дипломатии Республики Корея;
6. Определить характерные особенности реализации публичной дипломатии Республики Корея в Тихоокеанском регионе.

Степень научной разработанности темы.

С того момента, как понятия «мягкой силы» и публичной дипломатии прочно закрепились в дискурсе общественных наук, теоретические аспекты данных концепций до сих пор остаются актуальным предметом в работах современных исследователей. Естественно, что каждый из них в своих изысканиях прежде всего обращается к трудам Дж. Ная³, получивших в данной области статус классических, фундаментальных. Несмотря на очевидный факт того, что первые работы Ная по большей степени располагаются в контексте Соединенных Штатов, невозможно переоценить их значение в качестве теоретической основы для публичной дипломатии как важного внешнеполитического инструмента государства. Бесценный вклад в дальнейшее развитие данной проблематики в соответствии с новыми вызовами международных отношений внесли исследования Э.

³ Nye, Jr. J.S. *Soft Power* // *Foreign Policy*. – Washington D.C.: Slate Group, LLC, 1990. - №80. – pp. 153-171; Nye, Jr. J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* / New York: Basic Books, 1991. — 336 p.; Nye, Jr. J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / ed. J.S. Nye, Jr. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.; Armitage R., Nye, Jr. J.S. *CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America* / cochairs, R. Armitage, J. S. Nye, Jr. – Washington D.C.: The CSIS Press, 2007. – 82 p.; Nye, Jr. J.S. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. Vol. 616. – pp. 94-109.

Гилбоа⁴, Н. Калла⁵, Я. Мелиссена⁶, Н. Сноу⁷. Повсеместное распространение интереса к вопросам «мягкой силы» и публичной дипломатии среди отечественных специалистов произошло после того, как в 2013 г. понятие «мягкой силы» было включено в Концепцию внешней политики Российской Федерации. В этой связи хотелось бы выделить работы следующих авторов: А.В. Долинский⁸, Т.В. Зонова⁹, М.М. Лебедева¹⁰, И.В. Радиков и Я.В. Лексютина¹¹, Н.А. Цветкова¹². Проблема адаптации концепции «мягкой силы» в Азиатско-Тихоокеанском регионе достаточно подробно рассмотрена в коллективной монографии С.К. Песцова, А.М. Бобыло, Л.Р. Рустамовой, Л.Е. Козлова, М.С. Черепанова, А.А. Бояркиной, К.Ф. Лыкова и М.П. Першиной.¹³ Особое внимание хотелось бы уделить трудам южнокорейского специалиста Г. Ли¹⁴, в которых на основе анализа и объективной критики оригинальной концепции «мягкой силы» Дж. Ная автор выводит свое собственное определение понятия.

Комплекс исследовательских работ, посвященных проблематике адаптации концепции «мягкой силы» и осуществления публичной дипломатии в контексте

⁴ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. Vol. 616. – pp. 55-77; Gilboa E. The public diplomacy of middle powers // *Public Diplomacy Magazine*. – 2009. Vol. 1. №2. – pp. 22-28.

⁵ Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. Vol. 616. – pp. 31-54; Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion. The Evolution of a Phrase / N.J. Cull // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / ed. N. Snow, P.M. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – pp. 19-23.

⁶ Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice / J. Melissen // *The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations* / ed. J. Melissen. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – pp. 3-27.

⁷ Snow N. United States Information Agency // *Foreign Policy in Focus*. – 1997. Vol. 2. №40. – pp. 1-4; Snow N. Rethinking Public Diplomacy / N. Snow // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / ed. N. Snow, P.M. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – pp. 3-11.

⁸ Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2011. №2. – С. 275-280.

⁹ Зонова Т. В. Дипломатия: Модели, формы, методы: Учебник для вузов / Т. В. Зонова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 348 с.

¹⁰ Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? / М.М. Лебедева // *Публичная дипломатия: Теория и практика* / Под ред. М.М. Лебедева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 8-20.

¹¹ Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. №2. – С. 19-26.

¹² Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. - 2011. №3. - С. 109-122; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914-2014 гг.: Дисс. ...д-ра ист. наук. – СПб, 2015. – 552 с.; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // *Международные процессы*. – 2015. Том 13. № 3. – С. 121 – 133.

¹³ «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики: монография / С.К. Песцов, А.М. Бобыло, Л.Р. Рустамова, Л.Е. Козлов, М.С. Черепанов, А.А. Бояркина, К.Ф. Лыков, М.П. Першина; [науч. ред. С.К. Песцов]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 192 с.

¹⁴ Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // *Korean Journal of Defense Analysis*. – 2009. Vol. 21. №2. – pp. 205-218; Lee G. The Clash of Soft Powers Between China and Japan: Synergy and Dilemmas at the Six-party Talks // *Asian Perspective*. – 2010. Vol. 34. №2. – pp. 113-139.

Республики Корея, затрагивает различные аспекты процесса эволюции феномена, основные механизмы его практической реализации, а также ключевые элементы его ресурсной базы. В первую очередь следует отметить особую категорию авторов, которые на практике участвовали в формировании понимания концепций внутри южнокорейского государственного аппарата: Ё. Ма¹⁵ и Т. Ким¹⁶, ранее занимавшие пост Посла по вопросам публичной дипломатии Министерства иностранных дел Республики Корея. Также данная проблематика нашла свое отражение в работах М.С. Абдуазимова¹⁷, К. Айхэна¹⁸, С. Ли¹⁹, М. Пака²⁰, Ю. Соны²¹, К. Чхве²². Отдельной категорией хотелось бы выделить исследования, предметом которых является феномен «халлю» - «корейская волна», неоднократно затрагиваемый как зарубежными, так и отечественными авторами. В частности, этим вопросом занимались Ы. Ким и Ч. Рё²³, Г. Чан и В. Пэк²⁴, С. О²⁵, С. Юн²⁶, а также Е.В. Аигина²⁷, Е.В. Лачина и Е.Ю. Новикова²⁸, Е.В. Полосина²⁹.

На основе проделанного обзора литературы по теме данной исследовательской работы следует сделать вывод о том, что выбранная автором проблематика является предметом повышенного внимания среди широкого круга специалистов. Однако многие

¹⁵ Ma Y., Song J., & Moore D. Korea's Public Diplomacy: A New Initiative for the Future // Issue Brief by The Asan Institute for Policy Studies. – 2012. № 39. – 25 p.

¹⁶ Kim T. Paradigm Shift in Diplomacy: A Conceptual Model for Korea's "New Public Diplomacy" // Korea Observer. – 2012. Vol. 43. №4. – pp. 527-555.

¹⁷ Abduazimov M.S. Public Diplomacy: Reappraising the South Korean Case through an Evolutionary Approach // Korea Journal. – 2017. Vol. 57. №3. – pp. 83-111.

¹⁸ Ayhan K. Branding Korea as "My Friend's Country": The Case of VANK's Cyber Public Diplomats // Korea Observer. – 2018. Vol. 49. №1. – pp. 51-81.

¹⁹ Lee S.J. South Korean Soft Power and How South Korea Views the Soft Power of Others // Lee S.J., Melissen J. Public Diplomacy and Soft Power in East Asia. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – pp. 139-161.

²⁰ Park M. South Korea Cultural History Between 1960s and 2012 // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. – 2015. Vol. 1. – pp. 71-118.

²¹ Sohn Y. Attracting Neighbors: Soft Power Competition in East Asia // The Korean Journal of Policy Studies. – 2011. Vol. 1. №1. – pp. 77-96.

²² Choi K. The Republic of Korea's Public Diplomacy Strategy: History and Current Status / USC Center on Public Diplomacy – Los Angeles: Figueroa Press, 2019. – 55 p.

²³ Kim E., Ryou J. South Korean Culture Goes Global: K-Pop and the Korean Wave // Korean Social Science Journal. – 2007. XXXIV. №1. – pp. 117-152.

²⁴ Jang G., Paik W.K. Korean Wave as Tool for Korea's New Cultural Diplomacy // Advances in Applied Sociology. – 2012. Vol.2. №3. – pp. 196-202.

²⁵ Oh S. Hallyu (Korean Wave) as Korea's Cultural Public Diplomacy in China and Japan / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – pp. 167-196.

²⁶ Yoon S. Cultural Identity and Korean Historical Television Dramas / S. Yoon // The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound / ed.: V. Marinescu. – London: Lexington Books, 2014. – pp. 7-17.

²⁷ Аигина Е.В., Новикова Е.Ю. Халлю-туризм («Корейская волна») как новое направление развития туризма в Республике Корея // Вестник РМАТ. – 2017. №1. – С. 140-145.

²⁸ Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. №2. – С. 147-155.

²⁹ Полосина Е.В. «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. – СПб.: «Скифия-принт», 2012 — 448 с.

исследователи чаще всего затрагивают лишь ее отдельные аспекты, упуская из внимания комплексный характер публичной дипломатии Республики Корея. В том числе, в отечественной историографии существует тенденция смещения основного фокуса на тему продвижения «корейской волны» и ее экономических эффектов, а также восприятие публичной дипломатии как части стратегии «мягкой силы», а не самостоятельного инструмента построения внешней политики государства.

В качестве **источниковой базы исследования** послужили различные по своему характеру материалы и документы как на английском, так и на корейском языках. Для достижения наиболее полного понимания интерпретации концепции публичной дипломатии Республики Корея на государственном уровне были рассмотрены: связанные с ней нормативно-правовые акты; определяющие цели и дальнейший план действий стратегические документы; ежегодные Белые книги дипломатии Министерства иностранных дел РК; транскрипции инаугурационных речей президентов; а также пресс-релизы государственных структур. Статистические данные были получены из ежегодных отчетов о деятельности различных правительственных и неправительственных организаций, а также из специальных отчетов МИД Республики Корея о состоянии продвижения «корейской волны» и региональной реализации программ публичной дипломатии. Однако следует отметить, что те материалы, расположенные на корейской версии сайта Министерства иностранных дел РК, появлялись на англоязычной версии сайта гораздо позже. Более того, английская и корейская версии правительственного блога, посвященного исключительно реализации публичной дипломатии Республикой Корея, значительно отличаются по своей информационной наполненности, где корейская версия обладает гораздо большими уровнями объема и разнообразия публикуемых материалов.

Научная новизна данной исследовательской работы заключается в:

1. расширении отечественного научного дискурса в области интерпретации концепции «мягкой силы» посредством введения в оборот южнокорейских исследований по данной проблематике;
2. попытке систематизировать наиболее значимые механизмы и ресурсы практической реализации публичной дипломатии Республики Корея;
3. выявлении особенностей осуществления публичной дипломатии Республики Корея в Тихоокеанском регионе, выступающих в качестве признаков определенной логики выбора той или иной стратегии использования данного внешнеполитического инструмента в зависимости от характера отношений между государствами.

Методологическая основа. В целях проведения всестороннего исследования и формулирования выводов по его предмету в процессе работы применялась совокупность различных общенаучных методов и подходов, в том числе: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительный анализ и документальный анализ. Эволюционный подход был задействован в ходе изучения формирования публичной дипломатии в качестве одного из основных инструментов построения внешней политики южнокорейского государства. Посредством системного подхода автор смог рассмотреть процесс развития публичной дипломатии Республики Корея, принимая во внимание зависимость данного процесса от влияния различных внешних и внутренних факторов. В свою очередь, институциональный подход был необходим для выделения ключевых структур и организаций, задействованных в реализации публичной дипломатии Республики Корея.

Структура выпускной квалификационной работы определяется целью и задачами исследования. Данная исследовательская работа состоит из введения, трех глав, восьми параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Теоретические основы публичной дипломатии

1.1. Доминирующие концепции публичной дипломатии в современном научном дискурсе

В течение последних, практически двух десятилетий концепция публичной дипломатии стала объектом активной исследовательской деятельности со стороны различных представителей общественных наук. В попытках дать определение термину «публичной дипломатии», а также сформулировать всеобъемлющую теорию для обозначенного феномена, специалисты все еще не могут достигнуть единого мнения. Поэтому в современном научном дискурсе существует несколько вариаций того, что понимается под публичной дипломатией, и при этом во внимание необходимо принимать тот факт, что разница между ними обусловлена имеющимся акцентом на том или ином аспекте публичной дипломатии. То есть ввиду ряда объективных причин исследователь избирал одну или несколько характеристик публичной дипломатии, вокруг которых в дальнейшем строил цельное определение.

Принято считать, что автором оригинальной трактовки понятия публичной дипломатии является декан Школы Права и Дипломатии им. Флетчера, Э. Галлион. В соответствии с данным им в 1965 г. определением, публичная дипломатия «призвана способствовать возможности общественного мнения оказывать влияние на формирование и осуществление внешнеполитического курса зарубежного государства, в том числе, посредством: взаимодействия между представителями частных групп и интересов разных стран; освещения международных отношений и их влияния на политику; налаживания связей между дипломатами, зарубежными корреспондентами; а также стимулирования процесса межкультурных обменов».³⁰ Очевидно, что данное определение носит достаточно обобщающий характер и не указывает на то, какая конкретно деятельность подразумевается под публичной дипломатией или кто является ее основным актором. Причиной этому служит то, в каких обстоятельствах происходила выработка подобной формулировки. Соединенные Штаты Америки, находившиеся в тот момент во главе одного из двух противостоящих лагерей времен холодной войны, испытывали необходимость найти альтернативный вариант обозначения той информационной деятельности, которую они осуществляли по отношению к зарубежной аудитории. Иначе говоря, нужно было заменить

³⁰ Cull. N.J. Public Diplomacy before Gullion. The Evolution of a Phrase / N.J. Cull // Routledge Handbook of Public Diplomacy / ed. N. Snow, P.M. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – P. 19.

«пропаганду» термином, не несущим свойственную ему отрицательную коннотацию. Таким образом это в первую очередь помогало создать контраст между тем, какие внешнеполитические инструменты использовали США в отличие от своих идеологических противников.³¹

Те условия межгосударственных отношений, которые были характерны периоду холодной войны, послужили естественной средой для возникновения одной из наиболее крупных групп специалистов, относящихся к представителям «традиционной» концепции публичной дипломатии. Значительную их долю составляют журналисты-международники и дипломаты – непосредственные практики публичной дипломатии, для которых государство играло ключевую роль в области реализации ее программ. Столь значимое положение правительственных структур представляется достаточно обоснованным при учете того обстоятельства, что в то время фактически только государство обладало достаточным количеством ресурсов и возможностей, необходимых для проникновения за «железный занавес», таким образом достигая зарубежной аудитории. Поэтому прежде всего «традиционная» публичная дипломатия включает в себе идею о государстве как о центральном акторе в процессе ее осуществления.³²

Несмотря на то, что практическая реализация публичной дипломатии имеет достаточно долгую историю, свой теоретический фундамент как по-настоящему важного внешнеполитического инструмента она получила лишь в 1990 г., когда Дж. Най представил свою концепцию «мягкой власти», более известную в отечественном научном дискурсе как «мягкая сила». Завершение периода холодной войны обозначило необходимость в анализе и оценке тех изменений, которые произошли в структуре международных отношений к тому моменту. По мнению Най, имеющая определяющее значение категория «власти» подверглась процессу трансформации, что несомненно требовало внимания в целях корректирования внешнеполитической стратегии государств в соответствии с условиями, продиктованными новыми реалиями.

В традиционном понимании власть обозначает возможность контроля, подразумевающего способность навязывать свою волю другим людям даже вопреки их собственным желаниям. Подобный контроль зачастую ассоциируется с обладанием определенными ресурсами, позволяющими его осуществлять. В политической сфере

³¹ Cull. N.J. Op. cit. P. 21.

³² Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. №2. – С. 276.

уровень власти государства возможно было вычислить исходя из размеров его населения, территории, природных ресурсов, экономической и военной мощи, а результаты участия в военных конфликтах служили наиболее очевидным показателем. Тем не менее в период после Второй мировой войны международные отношения пошли по пути такого развития, который привел к началу процесса перераспределения власти. То есть те великие державы, опиравшиеся на ресурсы «традиционной» власти, теряли свою мощь. Данный процесс был обусловлен следующими факторами:

1. экономическая взаимозависимость стран, которая ограничивала возможность использования военной силы ввиду высокого уровня возможного ущерба с перспективой значительно низкого уровня выгоды;
2. транснациональные акторы в международных отношениях, чья деятельность оказалась способной подвергать изменению национальные интересы государств;
3. рост национализма в слабых государствах, что стало существенным препятствием для сильных государств в попытках вмешиваться в их внутрисполитические процессы;
4. распространение инновационных технологий, которые способствовали развитию многих бывших стран «третьего мира», впоследствии составивших конкуренцию великим державам.³³

В подобных условиях изменение характера возникающих политических проблем было неизбежным, ввиду чего государства больше не могли рассчитывать на достижение своих целей, по большей степени оперируя ресурсами «традиционной» власти. Принимая в расчет сложившиеся тенденции, Най утверждает, что категория «власти» имеет помимо жесткой также и мягкую сторону, которая состоит в способности государства добиваться желаемого не насильственным принуждением или подкупом, а посредством привлекательности. Именно в этом заключается основная суть концепции «мягкой силы», в качестве ресурсов которой прежде всего выступают следующие три элемента: культура и те ее компоненты, вызывающие интерес у зарубежной аудитории; политические ценности, универсальные в своей привлекательности для общества как внутри, так и за пределами государства; внешняя политика, легитимность и моральный авторитет которой не вызывают сомнения.³⁴ Грамотное использование ресурсов «мягкой силы» дает

³³ Nye, Jr. J.S. *Soft Power // Foreign Policy*. – Washington D.C.: Slate Group, LLC, 1990. - №80. – pp. 160-163.

³⁴ Nye, Jr. J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / ed. J.S. Nye, Jr. – New York: PublicAffairs, 2004. – P. 11.

возможность государству «создавать такое благоприятное международное окружение, в котором государство – носитель этой силы сможет реализовывать собственные интересы, не прибегая к прямому, жесткому силовому воздействию или угрозам». ³⁵ При этом ключевая роль одного из основных инструментов реализации концепции «мягкой силы» отводится публичной дипломатии, что в итоге позволило заложить ее теоретический фундамент в пределах политической науки. Следует отметить, что несмотря на актуализацию публичной дипломатии работой Ная в 1990-ом г., настоящий интерес к ней пробудился лишь к началу 2000-х., так как до этого момента с завершением холодной войны считалось, что необходимость в ней практически отпала. Однако кризис международных отношений, последовавший за террористическими актами 11 сентября 2001 г., выявил множество слабых мест и недостатков в традиционной концепции публичной дипломатии, поэтому появилась настоятельная потребность в ее переосмыслении.

Н. Сноу, заслуженный профессор Киотского университета зарубежного регионоведения и один из ведущих мировых специалистов в области публичной дипломатии, еще в 1997 г. подвергла критике неспособность Информационного Агентства США, одной из центральных структур по реализации публичной дипломатии, полноценно осуществлять спектр своих полномочий и обязанностей. Две основополагающие задачи Агентства заключались в следующем: во-первых, оказывать влияние на восприятие зарубежной аудиторией демократии и рыночной экономики американского образца; во-вторых, знакомить общественность США с тем, что из себя представляет мир за их государственными границами. Конечной целью Агентства было содействие увеличению уровня взаимного понимания между гражданами Соединенных Штатов и населением других государств. Однако, будучи бывшим сотрудником Агентства, Сноу на практике убедилась в том, что зачастую значение исполнения второй задачи существенно преуменьшалось и даже ограничивалось. Так, принятый еще в 1948 г. закон Смита-Мундта содержал в себе пункт под номером 502, в соответствии с которым запрещалось распространять среди американского общества материалы тех информационных агентств США, деятельность которых в той или иной мере была направлена на зарубежную аудиторию. Предполагалось, что таким образом государство защищает население от правительственной пропаганды, однако в реальности подобное законодательство лишь

³⁵ Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. №2. – С. 19-20.

препятствовало формированию у американской общественности не только более объективного представления об остальном мире, но и понимания зарубежной точки зрения относительно самих США.³⁶ Другими словами, Агентство было не способно обеспечить возможность налаживания двусторонней коммуникации между зарубежной аудиторией и обществом США.

Решение существующей проблемы, по мнению Сноу, заключается в переходе от традиционного в публичной дипломатии формата отношений «правительство-зарубежное общество» к установлению диалога в виде «общество-зарубежное общество», в рамках которого помимо непосредственно государства существенную роль также могут играть частные лица. Подобным образом стратегия односторонней трансляции четко определенной позиции сменяется возможностью взаимного и равноправного обмена ценностями, идеями и взглядами.³⁷ Активное вовлечение гражданского общества в процесс осуществления публичной дипломатии ставит его в положение одного из центральных акторов, а государству достается координирующая роль, что в целом придает практике публичной дипломатии больший уровень доверия. Более того, установление контактов на личностном уровне позволяет рассчитывать на их долгосрочность, что также меняет логику публичной дипломатии: осуществление усилий, имеющих долгосрочный характер, способно обеспечить достижение более существенных и долгоиграющих результатов, в отличие от единовременных усилий, значимость которых не менее важна, но ограничена в своей продолжительности.

Фактически именно эта неспособность традиционной концепции публичной дипломатии – налаживать канал равноправной двусторонней коммуникации – послужила одной из причин, почему в период после терактов 11 сентября 2001 г. в обществе США сформировалось ложное понимание мотивов, стоящих за произошедшей трагедией. Население Соединенных Штатов придерживалось позиции, что совершенные атаки были следствием катастрофического недопонимания, что из себя на самом деле представляет американское государство. Ярким примером этого служит рекламная компания заместителя Госсекретаря по публичной дипломатии Шарлотты Бирс 2002 г., состоящая из двух видеороликов, предназначенных для транслирования в исламских государствах в период Рамадана и призванных устранить расхождения в понимании друг друга между

³⁶ Snow N. United States Information Agency // Foreign Policy in Focus. – 1997. Vol. 2. №40. – P. 2.

³⁷ Snow N. Rethinking Public Diplomacy / N. Snow // Routledge Handbook of Public Diplomacy / ed. N. Snow, P.M. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – P. 6.

обществом США и населением этих стран. Ролики демонстрировали успешную жизнь мусульман–граждан американского свободного и открытого общества, и в глазах американского населения это выглядело как показатель возможности построения благоприятных отношений между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока. Однако для аудитории, на которых в основном и были рассчитаны эти ролики, показанный материал свидетельствовал о том, насколько сильно отличаются условия жизни американских мусульман от тех, кто проживает в государствах с поддерживаемыми США авторитарными режимами. Недостаток в понимании того, как зарубежная аудитория воспринимает Соединенные Штаты и крайне самонадеянное игнорирование этого факта, привел к тому, что изначальный посыл «наш успех и ваш успех» был истолкован как «наш успех не ваш успех, а эти ролики как прямое этому доказательство».³⁸

Осознание по-настоящему значительной величины недостатков традиционной концепции публичной дипломатии вновь актуализировало исследовательскую деятельность научных кругов в начале 2000-х гг., а развитие информационных технологий и сети Интернет стало вспомогательным толчком в этом направлении. В качестве итогового результата выступила разработка концепции «новой публичной дипломатии». Данная концепция впервые нашла свое отражение в одноименной работе старшего научного сотрудника нидерландского института международных отношений Клингендаля, Я. Мелиссена, в которой автор выделяет три ключевые характеристики, отличающие новую публичную дипломатию от ее традиционной формы. Во-первых, государство не обладает исключительным правом на реализацию публичной дипломатии, поэтому не является единственным ее актором; помимо государства способностью осуществлять деятельность в рамках публичной дипломатии также обладают различные негосударственные акторы, в том числе неправительственные организации, транснациональные компании и даже отдельно взятые лица. Стоит отметить, что теоретическое отсутствие иерархичности отношений среди акторов публичной дипломатии подразумевает возможность практически неограниченного перенятия ценного опыта друг у друга.³⁹

Во-вторых, вовлечение гражданского общества в осуществление публичной дипломатии в век стремительного развития информационных технологий крайне необходимо, так как благодаря ему средства распространения непосредственно

³⁸ Snow N. Op. cit., 2009. – pp. 7-8.

³⁹ Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice / J. Melissen // The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations / ed. J. Melissen. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 12.

информации стали несоизмеримо доступнее, быстрее и дешевле, в связи с чем общественность отдельно взятого государства становится неисчерпаемым источником различных сведений о нем для зарубежной аудитории.⁴⁰ Для данного феномена существует определение – общественная дипломатия. При этом следует обратить внимание на то, что в русскоязычном научном дискурсе понятийный аппарат публичной дипломатии при переводе может вводить в заблуждение, поэтому нередко для термина «публичной дипломатии» в качестве взаимозаменяемых синонимов используют «общественную дипломатию», «народную дипломатию». Однако такой подход является неверным и приводит к непреднамеренному сужению круга акторов публичной дипломатии, что впоследствии в целом искажает понимание ее концепции.⁴¹ В рамках новой публичной дипломатии общественная дипломатия выступает в роли ее составной части.

В-третьих, построение отношений между государством и зарубежной аудиторией в рамках публичной дипломатии на основе двустороннего диалога, а не посредством односторонней трансляции определенных дискурсов и установок, является залогом достижения более глубокой степени взаимного понимания.⁴² По-настоящему эффективная публичная дипломатия включает в себя как донесение своей позиции, так и принятие к сведению позиции другого участника диалога. Тем не менее каждый из форматов отношений имеет свое особенное значение в отдельных случаях и ситуациях. Так, монолог способен пробудить первоначальную волну интереса, обладая высокой степенью привлекательности ввиду сознательного придания ему подобной характеристики субъектом публичной дипломатии. Более того, сотрудничество, представляющее из себя третий формат построения отношений, способствует созданию атмосферы доверия и взаимоуважения.⁴³ Таким образом, на сегодняшний день концепция новой публичной дипломатии является фундаментом для построения стратегии ее осуществления различными акторами, в том числе государством, которое зачастую рассматривает публичную дипломатию в качестве своего внешнеполитического инструмента. Однако нередко такое тесное привязывание публичной дипломатии к внешней политике и ее целям чревато возникновением ситуации, при которой неудачи внешней политики методом ассоциации соотносят с публичной дипломатией и ее предполагаемым неэффективным, а

⁴⁰ Melissen J. Op. cit. P. 13.

⁴¹ Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? / М.М. Лебедева // Публичная дипломатия: Теория и практика / Под ред. М.М. Лебедева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 9.

⁴² Melissen J. Op. cit. P. 13.

⁴³ Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – P. 11.

порой и провальным характером. Вследствие чего необходимо помнить, что публичная дипломатия способна действовать там, где средства классической дипломатии будут бессильны, поэтому разработка стратегии осуществления публичной дипломатии должна происходить в соответствии с внешнеполитическим курсом страны, но с расчетом на достижение долгосрочных целей, расположенных в измерении создания крепких доверительных и равноправных отношений между субъектом и объектом публичной дипломатии.⁴⁴

Тесно связанная с публичной дипломатией концепция «мягкой силы» также претерпела изменения перед лицом новых вызовов в области международных отношений, что впоследствии привело к появлению идеи об «умной силе», подробно представленной в докладе Дж. Ная и Р. Армитиджа.⁴⁵ Концепция «умной силы» прежде всего подразумевает под собой «способность актора совмещать элементы жесткой и мягкой силы таким образом, чтобы получаемый эффект взаимного усиления способствовал эффективной реализации целей актора».⁴⁶ Иными словами, суть «умной силы» заключается в умении рационально использовать ресурсы как «жесткой», так и «мягкой силы», оперируя глубоким пониманием сильных сторон каждого ресурса и его ограничений. Более того, актер должен обладать навыком четко анализировать ситуацию, на основании которого будет приниматься решение, какой из ресурсов или их комбинация представляются наиболее целесообразными. Так, в качестве примера практического осуществления концепции «умной силы» в рамках публичной дипломатии можно привести реализацию программ финансовой помощи нуждающимся странам: экономический ресурс, характерный «жесткой силе», используются для достижения цели «мягкой» - улучшения имиджа государства.

Тем не менее адаптация концепции «умной силы» государствами в целях формирования стратегии ведения внешней политики осложняется некоторыми существенными факторами. Во-первых, нередко можно столкнуться с заблуждением, что использование ресурсов одной из категорий власти непременно превалирует над другой, и в целом «жесткая» и «мягкая» формы силы – взаимоисключающие друг друга понятия. Подобный подход к пониманию данных концепций недопустим и требует работы по демонстрации преимуществ каждой из них, а также их совместного использования. Важно

⁴⁴ Melissen J. Op. cit. P. 15.

⁴⁵ Armitage R., Nye, Jr. J.S. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America / cochairs, R. Armitage, J. S. Nye, Jr. – Washington D.C.: The CSIS Press, 2007. – 82 pp.

⁴⁶ Wilson E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – P. 115.

донести, что осуществление «умной силы» - вполне реальная практика, к достижению и поддержанию которой следует стремиться. Во-вторых, во многих странах довольно очевидной является разница в размерах спонсирования и количестве различных структур, занимающихся осуществлением «жесткой» и «мягкой» силы. Проблема вновь кроется в преуменьшении значимости тех результатов, добиться которых можно посредством «мягкой силы». И наконец, серьезным препятствием на пути реализации концепции «умной силы» стоит острая нехватка активных политических групп, способных продвигать ее идею внутри правительственных кругов.⁴⁷ И все же, мы можем наблюдать, как в последние годы все больше стран начинают активно и целенаправленно обращаться к своим ресурсам «мягкой силы», что свидетельствует о возможности их плавной адаптации концепции «умной силы».

Занимаясь исследованием публичной дипломатии, специалисты непременно сталкиваются с необходимостью определения характера связи, существующей между публичной дипломатией и следующими понятиями: «пропаганда», «государственный брэндинг» и «культурная дипломатия». И в первую очередь следует начать именно с пропаганды. Как уже было сказано в начале этой главы, использование термина «публичная дипломатия» по отношению к информационной деятельности, которая велась США с целью оказания влияния на зарубежную аудиторию, было продиктовано необходимостью избавиться от той негативной коннотации, которую нес в себе термин «пропаганда». Если разобраться, то существующее сегодня восприятие пропаганды в качестве практики, зачастую имеющей ложный и злонамеренный характер, сформировалось в период после Второй мировой войны посредством стойкой ассоциации пропаганды с нацистским режимом. Однако на самом деле сама по себе пропаганда имеет нейтральный характер, который меняется в зависимости от конкретных целей, преследуемых осуществляемым пропагандистскую деятельность субъектом.

Тем не менее существует группа исследователей, которые до сих рассматривают публичную дипломатию в качестве не более чем замены термина либо разновидности пропаганды. Подобный подход нельзя считать верным при условии, что вот уже более полувека публичная дипломатия развивалась как отдельный от пропаганды инструмент внешней политики, благодаря чему между этими двумя феноменами появились существенные различия. Первое заключается в разнице конечных целей: если пропаганда

⁴⁷ Wilson E.J. Op. cit. Pp. 120-121.

направлена на достижение количественных результатов – привлечь как можно больше последователей тех или иных идей, то публичная дипломатия преследует качество – установление крепких и долгосрочных связей с зарубежной аудиторией. Из этого следует второе различие: в отличие от пропаганды, которая практикует навязчивое транслирование определенных установок, публичная дипломатия прибегает к методу налаживания диалога, способствующего пониманию позиции зарубежной аудитории, что в случае пропаганды не так важно.⁴⁸

Другим понятием, которое зачастую ассоциируется с концепцией публичной дипломатии, является государственный брэндинг. В данном случае стоит говорить о взаимозаменяемости терминов, которая, по мнению автора данной работы, представляется практически невозможной. Принимая во внимание тот факт, что и публичная дипломатия, и государственный брэндинг, строят основу своего функционирования на категории привлекательности, различие между ними, как и в случае с пропагандой, содержится в преследуемых целях. Для государственного брэндинга создание определенного образа страны и его своевременное проецирование является первостепенной задачей, в то время как для публичной дипломатии формирование конкретного имиджа и его систематическое улучшение служит вспомогательным инструментом на пути к достижению благоприятной и продуктивной атмосферы в отношениях с зарубежными государствами.⁴⁹ Исходя из этого, государственный брэндинг можно рассматривать либо как самостоятельный феномен, либо в качестве одного из составных элементов публичной дипломатии.

В отличие от пропаганды и государственного брэндинга культурная дипломатия располагается ближе всего к современной концепции публичной дипломатии с точки зрения сосредоточения усилий для достижения долгосрочных целей на основе установления взаимопонимания и доверия между государствами, в данном случае, посредством обмена различными культурными ценностями. Выдающийся британский специалист в области публичной дипломатии Н. Калл выделил пять ключевых методик осуществления публичной дипломатии: «прислушивание» к позиции зарубежной аудитории; «продвижение» собственной позиции среди зарубежной аудитории; практика культурной дипломатии; практика образовательных обменов; работа СМИ с

⁴⁸ Melissen J. Op. cit. P. 18.

⁴⁹ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – P. 66.

международным охватом.⁵⁰ Очевидно, что концептуальная близость культурной дипломатии помещает ее в категорию одного из наиболее значимых элементов публичной дипломатии, при этом придерживаясь идеи Калла, в зависимости от разнообразия ресурсов «мягкой силы» государства тот или иной элемент способен превалировать. Наиболее эффективное осуществление публичной дипломатии характеризуется сбалансированным осуществлением всех выше обозначенных методик.

В заключении хотелось бы упомянуть самую молодую, а потому и наиболее актуальную концепцию «публичной дипломатии Web 2.0». На практике и в научно-исследовательских работах для обозначения данной концепции используется широкий круг терминов: «цифровая дипломатия», «сетевая дипломатия», «дипломатия Web 2.0», «электронная дипломатия», «интернет-дипломатия». Однако принципиальной разницы в своей сущности они не имеют. Н. А. Цветкова, одна из ведущих отечественных специалистов в области цифровой дипломатии, дает следующее определение данному феномену: «цифровая дипломатия — это механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством следующих методов: размещение радио- и телепередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы о государстве в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонифицированных страничек членов правительства страны в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны».⁵¹ Развитие информационных технологий и повсеместное распространение доступа к сети Интернет по всему миру вывели реализацию концепции публичной дипломатии на качественно новый уровень, существенно облегчив задачу установления того самого равноправного диалога. Так, использование социальных сетей позволяет в считанные секунды получать информацию о тех или иных событиях, происходящих на другом конце планеты, и при этом незамедлительно проявлять ответную реакцию, доступ к которой может иметь любой заинтересованный человек. Тем не менее, естественно, что цифровая дипломатия также содержит в себе определенные риски, в том числе огромный поток ложной, предвзятой информации, способной значительно навредить восприятию какого-либо государства зарубежной аудиторией.

Таким образом, современный научный дискурс в области публичной дипломатии содержит обширный пласт знаний о пути ее развития, различных концепциях

⁵⁰ Cull N.J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – P. 33.

⁵¹ Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. №3. - С. 110.

осуществления и необходимых для этого ресурсов. Однако стоит отметить, что по большому счету выше обозначенные теории и концепции – описание существующей практики, подтвердившей свою эффективность на опыте. В таком случае опыт осуществления публичной дипломатии в разных странах будет определять особенности ее трактования, что в рамках данной исследовательской работы ведет к необходимости выделить подобные характеристики южнокорейской концепции.

1.2. Южнокорейская специфика публичной дипломатии

В настоящее время Тихоокеанский регион представляет собой площадку для столкновения двух мощных тенденций: с одной стороны, образующие регион страны находятся в состоянии острой конкуренции, но с другой стороны, можно наблюдать растущее стремление к нахождению и развитию различных основ для их сотрудничества. Существующая в регионе обстановка стала следствием нескольких объективных причин. Во-первых, в момент завершения холодной войны характерная тому времени конфигурация международных альянсов прекратила свое существование, что в большинстве стран Тихоокеанского региона вызвало необходимость ревизии подходов к обеспечению национальной безопасности. Рост уровня экономических возможностей государств позволил увеличить объемы расходов на оборонные нужды. Так, по состоянию на 2018 г. уровень военных расходов стран Азии и Океании насчитывал 28% от общемирового объема, что соответствует второй позиции среди остальных макрорегионов, уступая лишь государствам американского континента. При этом Республика Корея занимает десятое место среди пятнадцати стран-лидеров по затратам на вооружение.⁵² Подобная мера была обусловлена тем, что характер взаимоотношений между государствами Тихоокеанского региона все еще содержит конфликтогенные элементы, в том числе: неурегулированные территориальные споры, неустойчивость политических режимов в некоторых странах, а также ситуация напряженности на Корейском полуострове. Совокупность данных факторов вынуждает страны региона наращивать свои ресурсы «жесткой силы», а также время от времени производить их наглядную демонстрацию. Все это свидетельствует о наличии обстановки соперничества между государствами.⁵³

⁵² Tian N., Fleurant A., Kuimova A. Trends in world military expenditure, 2018 // SIPRI Fact Sheet. – Stockholm: SIPRI, 2019. – pp. 2-6.

⁵³ «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики: монография / С.К. Песцов [и др.]; под ред. С.К. Песцова. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 8.

Во-вторых, за последние шестьдесят лет Тихоокеанский регион стал двигателем глобального прогресса и международного развития в сфере экономики: после 1960-х гг. за успехами Японии в данной области последовали «Четыре азиатских тигра» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань), страны АСЕАН, и наконец Китай. Совокупный экономический вес государств Восточной Азии на сегодняшний день может составить конкуренцию Европейскому Союзу или странам Северной Америки. Столь значительные результаты были достигнуты посредством не только увеличения размеров экономик, но и с помощью углубления уровня интеграции между ними вследствие расширения сети торговых и инвестиционных связей, в том числе, путем активной практики заключения соглашений о зонах свободной торговли внутри региона. В определенный момент в высших политических кругах стран Восточной Азии возникло понимание, что вместе они представляют собой системообразующий элемент, от качества связей внутри которого зависит благосостояние всего Тихоокеанского региона.⁵⁴ В данной связи проявилось стремление государств к сотрудничеству.

Впоследствии такая дихотомия между двумя ключевыми тенденциями в регионе стала источником характерной особенности построения кооперационных отношений между странами, заключающейся в конкуренции за главенствующую позицию в процессе сотрудничества. Основным форматом подобного сотрудничества являются различные региональные альянсы и институты, учреждая которые каждое государство преследует цель создать благоприятные условия для закрепления за собой статуса регионального лидера. В рамках регионального объединения государство-учредитель получает возможность продвигать выгодные для себя концепции взаимодействия в зависимости от состава его участников. То есть, ключевым фактором на пути к успеху следует считать способность страны обеспечить добровольное и продуктивное участие других государств в формируемом объединении.⁵⁵ Очевидно, что добиться желаемого результата посредством исключительно военной и экономической мощи будет крайне затруднительно, поэтому данное обстоятельство стало одной из определяющих причин, почему страны Тихоокеанского региона обратились к концепции «мягкой силы».

Несмотря на то, что характер изначально сформулированной Дж. Наем концепции предполагался быть универсальным, существование различных подходов к интерпретации

⁵⁴ Sohn Y. Attracting Neighbors: Soft Power Competition in East Asia // The Korean Journal of Policy Studies. – 2011. Vol. 1. №1. – P. 78.

⁵⁵ Там же.

«мягкой силы» в соответствии с национальными особенностями отдельно взятой страны говорит об обратном. Профессор Сеульского государственного университета Ли Гын предложил свой вариант трактовки «мягкой силы» в контексте Республики Корея, проделав критический анализ оригинальной концепции и выделив ее теоретические недостатки. Центральное положение в работе Ная занимает тезис о том, что категория «власти» имеет два принципиально разных типа, отличающихся по своему характеру: «жесткая» и «мягкая сила» соответственно. Если проецируемая государством или любым другим актором власть носит привлекательный, ненасильственный характер, то ее можно отнести в разряд «мягкой силы». Также Най рассуждает о ресурсах «жесткой» и «мягкой силы», однако проблема заключается в том, что автор не выводит степень зависимости характера проецируемой власти от того или иного ресурса. Например, в случае использования государством военной силы для его союзников подобные действия будут носить в определенной мере привлекательный и ненасильственный по отношению к ним характер, так как таким образом будет обеспечиваться их безопасность. То есть, использование ресурсов «жесткой силы» приводит к достижению результатов «мягкой силы». В свою очередь, использование ресурсов «мягкой силы» также может иметь принудительный характер. Так, международные организации, осуществляющие оценку кредитоспособности государств, могут повлиять на изменение экономической политики стран посредством их искусственного понижения в своих рейтингах.⁵⁶ Возникает парадокс между характером власти и ее источниками, что не позволяет достаточно уверенно утверждать, что можно и что нельзя относить к «мягкой силе».

Для того, чтобы избавиться от подобной неопределенности оригинальной концепции Ная профессор Ли предлагает следующее решение: тип проецируемой власти должен зависеть от того, какие ресурсы используются в данном процессе. Иными словами, если государство в своей деятельности прибегает к помощи «мягких ресурсов», то оказываемое им влияние следует относить к категории «мягкой силы», а в случае использования «жестких ресурсов» - к «жесткой силе» соответственно. Следуя данной логике, сама по себе сущность «мягкой» или «жесткой силы» может быть, как привлекательной, так и принудительной.⁵⁷ На наш взгляд, подобный подход существенным образом подкрепляет рациональность концепции «умной силы», так как он доказывает

⁵⁶ Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // Korean Journal of Defense Analysis. – 2009. Vol. 21. №2. – P. 211.

⁵⁷ Там же.

целесообразность консолидированного использования «жесткой силы» с «мягкой силой». Также следует отметить, что наличие у актора «мягких ресурсов», особенно в значительных объемах, не придает ему автоматический статус обладателя «мягкой силы». Только осмысленное использование «мягких ресурсов» для оказания определенного воздействия на целевую аудиторию свидетельствует о «мягкой силе» актора.

Помимо этого, профессор Ли указывает на изначально гегемонистский характер концепции «мягкой силы». Ная, что он объясняет следующим: практически все положения оригинальной концепции были выведены из опыта и с точки зрения Соединенных Штатов – великой державы, для которой привлекательность, обеспечиваемая «мягкой силой», является конечной целью. Для подобного государства, занимающего лидерскую позицию в международных отношениях, привлекательность необходима для того, чтобы как можно больше зарубежных стран шли в фарватере осуществляемой им политики либо просто не подвергали сомнению его руководящую роль. Однако нельзя сказать то же самое о государствах, чьи позиции сравнительно ниже той, на которой расположились США. Поэтому прежде, чем адаптировать концепцию «мягкой силы» в качестве одной из стратегий своей внешней политики, меньшие с точки зрения масштаба и ресурсного потенциала страны должны определить, с какой целью они добиваются этой привлекательности. Факт того, что, будучи в первую очередь американским исследователем, Най разработал свою концепцию в таком ключе, не является удивительным. Однако нередко зарубежные исследователи не принимают во внимание, в каком контексте была сформирована идейная основа «мягкой силы», и поэтому рассматривают ее реализацию в других странах исключительно по аналогии, фокусируясь на элементе привлекательности в качестве главной цели.⁵⁸

Исходя из выше обозначенного, профессор Ли выделил пять основных стратегий реализации концепции «мягкой силы» в соответствии с теми или иными целями, к достижению которых могут стремиться государства, уступающие по своим возможностям великим державам.

1. Использование «мягкой силы» для повышения уровня безопасности окружающей государство среды посредством создания образа мирной и привлекательной страны; в качестве «мягких ресурсов» для данной стратегии можно выделить «мирную» конституцию, политику ограничения затрат на военные закупки и промышленность.

⁵⁸ Lee G. The Clash of Soft Powers Between China and Japan: Synergy and Dilemmas at the Six-party Talks // Asian Perspective. – 2010. Vol. 34. №2. – pp. 117-118.

2. Использование «мягкой силы» для активизации коллективных усилий зарубежных стран с целью получения поддержки инициатив своей внешней или оборонной политики; данная стратегия важна тем, что позволяет сократить расходы в случае использования «жестких ресурсов» посредством их разделения между союзниками.

3. Использование «мягкой силы» для изменения образа мышления, поведения или определенных предпочтений у зарубежной аудитории; в качестве «мягкого ресурса» данной категории может выступать практика продвижения и передачи опыта экономического развития, что, к примеру, осуществляется Республикой Корея.

4. Использование «мягкой силы» для поддержания высокого уровня консолидации среди участников различных международных объединений; примером «мягких ресурсов» для данной стратегии служат схожие культурные ценности и традиции.

5. Использование «мягкой силы» для получения поддержки и одобрения политики своего государственного лидера либо его правительства, причем среди как зарубежной аудитории, так и гражданского общества внутри страны; к примеру, реализация данной стратегии может достигаться с помощью различных влиятельных личностей – звезд, спортсменов, которые каким-либо образом проявляют свою поддержку в отношении обозначенных выше элементов.⁵⁹

Таким образом, предложенный профессором Ли метод определения «мягкой силы» на основе разделения «мягких» и «жестких» ресурсов власти дает возможность государствам, которые в определенной мере отличаются по своим масштабам от великих держав, построить теоретическую базу для обоснования рациональности развития концепции «мягкой силы» в рамках осуществления своей внешней политики. В случае Республики Корея это особенно актуально, так как страна позиционирует себя в качестве средней державы – государства, чьи ресурсы «жесткой силы» достаточно ограничены, но которое имеет потенциал существенного наращивания ресурсов «мягкой силы».

На протяжении последних не менее пятнадцати лет правительство Республики Корея ведет активную деятельность по продвижению в своем дипломатическом дискурсе концепции «средней державы», которая устанавливает рамки развития внешнеполитического курса государства. В международном научном обществе нет единого мнения относительно того, какими именно характеристиками должно обладать государство, чтобы подходить под определение средней державы.

⁵⁹ Lee G. Op. cit., 2009. Pp. 8-10.

Э. Купер, Р. Хиггот и К. Носсал предложили бихевиористский подход к определению понятия, в соответствии с которым в качестве признаков средней державы выступают: во-первых, типы международных проблем, в решении которых государства принимают участие, а во-вторых, характер их деятельности во время этого процесса. Предполагается, что средние державы способны занимать лидирующие позиции в ходе решения таких международных проблем, которые по уровню своего значения находятся на втором и третьем месте после вопросов глобальной безопасности. К таким типам относятся: экономические – способствование экономическому развитию и оказание гуманитарной помощи, социальные – защита прав человека и охрана окружающей среды. Для решения данных проблем средняя держава должна действовать посредством принятия многосторонних решений, нахождения компромисса и демонстрации примера «хорошего международного гражданства», при этом зачастую от нее требуется работа в рамках международных форумов и организаций.⁶⁰ В свою очередь Дж. Равенхилл также отмечает, что в отличие от великих держав ресурсы средних держав значительно ограничены, что приводит к необходимости концентрации на наиболее приоритетных в данный момент времени внешнеполитических задачах. К тому же, подобное ресурсное ограничение вынуждает средние державы находить более креативные подходы к урегулированию конфликтных ситуаций, в том числе проявляющихся в стремлении к их мирному разрешению путем посреднической деятельности.⁶¹

Все выше перечисленные характеристики средней державы соответствуют тому, что вкладывали в данное понятие последние четыре президентских администрации Республики Корея в рамках своего политического дискурса. При этом публичная дипломатия, теоретически обоснованная концепцией «мягкой силы», выступает в качестве одного из основных внешнеполитических инструментов, призванного компенсировать накладываемые на государство положением средней державы ограничения, а также способствовать достижению большего уровня влияния на международной арене, вне зависимости от существенного отставания в данном измерении от великих держав.⁶² Принимая в расчет ресурсы «жесткой силы», южнокорейское государство, с одной стороны, не имеет возможности определять существующий в Тихоокеанском регионе порядок, но с

⁶⁰ Cooper A., Higgott R., Nossal K. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order / A. Cooper. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1993. – pp. 19-21.

⁶¹ Ravenhill J. Cycles of middle power activism: Constraint and choice in Australian and Canadian foreign policies // Australian Journal of International Affairs. – 1998. Vol. 52. №3. – P. 311-312.

⁶² Gilboa E. The public diplomacy of middle powers // Public Diplomacy Magazine. – 2009. Vol. 1. №2. – P. 24.

другой стороны, оно не настолько слабое, чтобы всецело зависеть от выбора между Пекином или коалицией Токио и Вашингтона. Поэтому осуществление публичной дипломатии и наращивание ресурсов «мягкой силы» позволяют Республике Корея брать на себя конструктивную роль посредника, чья деятельность должна помочь избежать столкновения великих держав в регионе и предотвратить развитие ситуации по сценарию игры с нулевой суммой.⁶³

Тем не менее, активные усилия южнокорейского правительства позиционировать государство в качестве средней державы также вызывают определенную критику. Во-первых, на лицо значительное несоответствие между сущностью общепринятой в западном научном дискурсе концепции «средней державы» и возможностью Республики Корея адаптировать ее. Данное несоответствие заключается в том, что разработанные по большей степени на примерах западных стран характеристики средней державы не учитывают контекст тех реалий, которые конструируют внешнеполитический курс Южной Кореи. Если Канада, Австралия, Дания – типичные представители категории средней державы – ведут свою деятельность в условиях относительной политической стабильности, то ситуация Республики Корея разительно отличается. Государство находится в сложной геополитической конфигурации, где разделение Корейского полуострова, угроза северокорейской ядерной программы и тлеющие национальные разногласия между странами Северо-Восточной Азии – причины, подрывающие стабильность Тихоокеанского региона. Все это вызывает сильные осложнения в процессе реализации концепции «средней державы» в реальной политической практике. Во-вторых, ввиду достаточно короткого срока пребывания одной политической силы у власти в Республике Корея наблюдается непостоянство осуществления инициатив в рамках концепции «средней державы». Каждое новое правительство стремится доказать, что его политика несомненно лучше той, что была при предыдущей администрации. Поэтому условно старые инициативы не получают достаточно времени для того, чтобы закрепиться на практике прежде, чем их заменят чем-то новым. И в-третьих, иерархичность международных отношений, подразумеваемая концепцией «средней державы», лишь сильнее загоняет Республику Корея в ограниченное, подчиненное положение по отношению к региональным лидерам.⁶⁴ Требуется основательная работа по осуществлению оценки эффективности активно проводимой

⁶³ Sohn Y. *Op. cit.* P. 91.

⁶⁴ Kim S. *South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges* / Chatham House. – London: The Royal Institute of International Affairs, 2016. – pp. 11-12.

правительством Республики Корея политики позиционирования государства в качестве средней державы.

Таким образом, в современном научном дискурсе существует две основные концепции публичной дипломатии, которые условно можно разделить по признаку, кому отводиться центральная роль в ее осуществлении: государство-центричная концепция и негосударство-центричная. Внутри концепций существуют различные подходы, в каком формате должна налаживаться связь между субъектом и объектом публичной дипломатии, однако повсеместно признается особая важность ведения диалога, позволяющего добиться наиболее весомых результатов. Концепция «мягкой силы» послужила теоретическим фундаментом для реализации публичной дипломатии и ее обозначения в качестве одного из основных внешнеполитических инструментов государства, необходимых для его успешного функционирования в нынешних условиях международных отношений. Представленные в данной главе концепции и теории в сущности своей являются описанием и рационализацией опыта осуществления публичной дипломатии, поэтому в случае с Республикой Корея ее опыт, условия формирования данного инструмента выступают в качестве определяющих факторов южнокорейской специфики. Важной характеристикой публичной дипломатии Республики Корея является то, что ее реализация ведется с позиции средней державы, для которой публичная дипломатия сама по себе служит механизмом восполнения недостатка «жестких ресурсов» страны. Правительство Республики Корея видит в публичной дипломатии один из важных источников обеспечения выгодного для государства положения в Тихоокеанском регионе. В рамках данной исследовательской работы следующим логичным шагом в изучении корейской публичной дипломатии является разбор ее структуры.

Глава 2. Система публичной дипломатии Республики Корея

2.1. Процесс эволюции публичной дипломатии Республики Корея

На сегодняшний день Республика Корея входит в число тех государств, которые относительно недавно внесли понятие публичной дипломатии в свой внешнеполитический дискурс в качестве одного из основных дипломатических инструментов. По мнению первого Посла по вопросам публичной дипломатии Министерства иностранных дел РК Ма Ёнь Сама, концепция публичной дипломатии была признана на официальном уровне как необходимый элемент стратегии корейского государства по достижению его внешнеполитических целей в 2010 г.⁶⁵ С тех пор правительство Кореи прилагает серьезные усилия для того, чтобы наряду с классической дипломатией и ее экономической разновидностью публичная дипломатия стала третьим столпом, на совокупности которых ведется построение внешней политики страны.⁶⁶ Тем не менее, несмотря на сравнительно недавнее юридическое закрепление публичной дипломатии в политическом инструментарии Кореи, фактически практика осуществления публичной дипломатии существует в стране еще с середины XX века.

С момента основания южнокорейского государства в 1948 г. процесс становления и эволюции публичной дипломатии был напрямую связан с личностью президента, а также с тем, какими целями руководствовались он и его администрация при проведении как внутренней, так и внешней политики. Более того, принимая во внимание тот факт, насколько поздно публичная дипломатия была введена в понятийный аппарат правительства Кореи, именно развитие культурной дипломатии как одного из центральных элементов системы публичной дипломатии наиболее точно отражает основные этапы ее формирования. На основе вышеперечисленного была разработана периодизация, в соответствии с которой эволюцию публичной дипломатии Республики Корея можно разделить на четыре этапа: возникновение (конец 1940х – конец 1980х гг.), диверсификация (начало 1990х гг.), полицентризм (начало 2000х гг.) и институционализация (2011 – настоящее время).⁶⁷

Первый этап эволюции охватывает один из наиболее тяжелых периодов в истории существования южнокорейского государства: после того, как в 1945 г. страна обрела свою

⁶⁵ Ma Y., Song J., & Moore D. Korea's Public Diplomacy: A New Initiative for the Future // Issue Brief by The Asan Institute for Policy Studies. – 2012. № 39. – P. 15.

⁶⁶ Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – Seoul, 2014. – P. 299.

⁶⁷ Abduazimov M.S. Public Diplomacy: Reappraising the South Korean Case through an Evolutionary Approach // Korea Journal. – 2017. Vol. 57. №3. – P. 85.

независимость от колониального господства Японии, политика великих держав по послевоенному переустройству мира привела к самому разрушительному вооруженному конфликту на территории Корейского полуострова – Корейской войне 1950-1953 гг. – и возникновению на карте двух независимых государств. Очевидно, что все усилия правительства новообразовавшейся Республики Корея во главе с первым президентом Ли Сын Маном были брошены на восстановление страны и устранение последствий межкорейского конфликта, в том числе в рамках культурной политики государства.

Еще до войны перед правительством Ли Сын Мана встал задача по возрождению корейской культуры и формированию «национальной идентичности» корейских граждан, которые в значительной степени пострадали в годы японской оккупации. Как следствие в корейском обществе возникли сильные антияпонские настроения («панил камчжонь»)⁶⁸, существующие и по сей день.⁶⁹ Однако после того, как на границе появилось новое государство в лице Корейской Народно-Демократической Республики, очередной задачей стало недопущение проникновения вражеской идеологии – коммунизма – на территорию Республики Корея. Данные задачи в совокупности с существующими на тот момент серьезными экономическими проблемами легли в основу политической риторики «Национального затруднения» («Кунънан») Ли Сын Мана.⁷⁰

В целях решения поставленных задач были произведены изменения в правительственной структуре государства. В соответствии с законом «Об организации правительства» от 17 июля 1948 г. было создано Министерство иностранных дел, на базе которого функционировало Бюро информации, отвечающее за связи с общественностью. В составе бюро находились три отдела: отдел пропаганды, отдел по делам печати, а также отдел по вопросам культуры. Однако, в ноябре 1949 г. отдел пропаганды был ликвидирован ввиду сокращений в структуре МИД. Впоследствии в 1958 г. произошло слияние двух оставшихся отделов под единым названием – отдел по вопросам информации и культуры.⁷¹

Деятельность, проводимая в рамках работы Бюро информации и подотчетных ему отделах, в том числе была направлена на ознакомление зарубежной аудитории с культурой и традициями корейского народа, что в свою очередь должно было помочь улучшить имидж

⁶⁸ Park S. The Paradox of Postcolonial Korean Nationalism: State-Sponsored Cultural Policy in South Korea, 1965-Present // The Journal of Korean Studies. – 2010. Vol. 15. №1. – P. 71.

⁶⁹ Stokes B., Devlin K. Despite Rising Economic Confidence, Japanese See Best Days Behind Them and Say Children Face a Bleak Future / Pew Research Center. – 2018. – P. 19.

⁷⁰ Park M. South Korea Cultural History Between 1960s and 2012 // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. – 2015. Vol. 1. – P. 73.

⁷¹ Choi K. The Republic of Korea's Public Diplomacy Strategy: History and Current Status / USC Center on Public Diplomacy – Los Angeles: Figueroa Press, 2019. – pp. 7-9.

государства, возникшего вследствие вооруженного конфликта. Так, например, правительство выпускало периодические издания, основной тематикой которых выступали корейская культура, культурные выставки, обменные программы в сфере образования и спорта. Среди подобных изданий были «Корея сегодня», «Корейское искусство», «Корейские исследования» и др. В свою очередь, зарубежные дипломатические миссии Кореи распространяли издания, выпускаемые на английском языке, например, газету «Кореа Тайм» или ежемесячный журнал «Пикториал Кореа».⁷²

Помимо создания в структуре МИД элементов, необходимых для осуществления культурной политики государства, правительство Ли Сын Мана также учредило Национальный центр кинопроизводства, рассчитанный на перспективу выпуска пропагандистских материалов на внутренний рынок. Однако, ввиду социально-экономических и политических осложнений, которые сопровождали весь президентский срок Ли Сын Мана, сформированные при нем ведомства не смогли способствовать выработке всеобъемлющей стратегии культурной политики государства.⁷³

Пришедшая в 1963 г. к власти администрация Пак Чон Хи не просто продолжила курс на развитие культурной политики государства в русле риторики «Кунънан», но и интенсифицировала его. Еще во время переходного периода между Первой республикой Ли Сын Мана и Третьей республикой Пак Чон Хи военная хунта, совершившая путч, опубликовала шестичастную декларацию намерений, среди которых были следующие пункты: «укрепить антикоммунизм («пангонъ») в качестве государственной идеологии», «искоренить старые пороки и восстановить национальный дух», а также «для достижения объединения взрастить силы, способные противостоять коммунизму».⁷⁴ Очевидно, что основные положения «Кунънан» были полностью поддержаны новым правительством Пак Чон Хи, однако причиной этому было не только чувство национальной солидарности. Прежде всего, это было связано с обстоятельствами смены власти, происходившей в условиях военного переворота, ввиду чего новое правительство нуждалось в повышении уровней своего имиджа и легитимности. Более того, закрепление идей «Кунънан»

⁷² 한국외교 60년 1948-2008 / 외교통상부. – 서울, 2009. – 284 쪽 (60 лет корейской дипломатии 1948-2008 гг. / Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея. – Сеул, 2009. – С.284.). URL: http://www.mofa.go.kr/www/wpge/m_4098/contents.do (дата обращения: 15.03.2019).

⁷³ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 88.

⁷⁴ Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905-1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945-1992 гг. (Кан Мангиль) / Ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцевой; Под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.) – М.: Наталис, 2011. – С. 220.

способствовало формированию южнокорейского национализма, что также нашло свое отражение в идеологии «самодостаточности» («чачжок») и «независимости» («тонънип»).⁷⁵ Впрочем, следует отметить, что вопреки данной идеологии и наличию сильных антияпонских настроений в обществе, в 1965 г. Пак Чон Хи пошел на нормализацию отношений южнокорейского государства с Японией в целях получения интеллектуальной и финансовой поддержки для реализации планов по стремительному экономическому развитию страны, что являлось его главным приоритетом на протяжении всего президентского срока.

Тем не менее, продолжая курс предыдущей администрации на формирование культурной политики государства, правительство Пак Чон Хи воспользовалось наработками своего предшественника и усовершенствовало их. Так, в соответствии с принятым в 1962 г. законом «О кинематографии» Национальный центр кинопроизводства начал выпуск и распространение обязательных к просмотру фильмов, являвшихся ничем иным как инструментом национальной пропаганды. Хотелось бы отметить, что это помогло внести значительный вклад в первый «золотой век» корейской киноиндустрии. В свою очередь, в 1968 г. Бюро информации из структурного подразделения МИД было трансформировано в самостоятельное Министерство по делам культуры и общественной информации, которое на сегодняшний день является Министерством культуры, спорта и туризма Республики Корея. Помимо реорганизации уже существующих ведомств под руководством Пак Чон Хи были созданы совершенно новые структуры. В 1966 г. была учреждена Международная федерация тхэквондо, призванная содействовать распространению корейских боевых искусств как на национальном, так и на международном уровнях. Также, в 1979 г. были открыты первые зарубежные Центры корейской культуры в Нью-Йорке и Токио.⁷⁶

Однако, наиболее значимым достижением правительства Пак Чон Хи в рамках развития культурной политики государства были разработка и принятие в 1973 г. «Первого пятилетнего плана по возрождению культуры и искусств», который стал первым подобным всеобъемлющим стратегическим документом. Приоритетной задачей данного документа было формирование новой культурной идентичности посредством выделения особой культурной традиции Кореи.⁷⁷ В соответствии с планом в том же 1973 г. был учрежден

⁷⁵ Park S. Op. cit. P. 72.

⁷⁶ Park M. Op. cit. Pp. 80-85.

⁷⁷ Yim. H. Cultural Identity and Cultural Policy in South Korea // The International Journal of Cultural Policy. – 2002. Vol. 8. – P. 40.

финансируемый правительством Фонд корейской культуры и искусств. Его деятельность в первую очередь была связана с осуществлением культурных программ и мероприятий, способствующих проникновению государственной идеологии в жизнь обычных граждан. В особенности, фонд сыграл заметную роль в период расцвета «Движения за новую деревню» («Сэмабль Ундонъ») – успешной инициативы правительства Пак Чон Хи по модернизации сельской экономики государства. Фонд выступил спонсором программ, подготовленных движением и направленных на культивирование национальных духовных ценностей граждан, в том числе бережливости («кынгом») и взаимопомощи («хёптонъ»)⁷⁸.

Очевидно, что культурная политика правительства Пак Чон Хи в основном была направлена на поддержку существующего режима, а также формирование корейской национальной идентичности у граждан. Более того, в своей инаугурационной речи 1971 г. Пак Чон Хи объявил о своем намерении возродить корейское культурное наследие с целью стимулирования государственной модернизации и индустриализации, что в дальнейшем пропагандировалось под лозунгом «Культурная Корея» («Мунхва Хангук»). Впоследствии благодаря правительственной поддержке такие исторические памятники культуры, как город Кёнъчжу, король Сечжонъ, адмирал Ли Сун Син, стали национальными символами современной Республики Корея.⁷⁹ Также следует отметить, что именно правительство Пак Чон Хи предприняло первые попытки популяризации корейского культурного наследия не только внутри своего государства, но и за рубежом.

В 1981 г. к власти приходит Чон Ду Хван, правительство которого расширяет диапазон государственной поддержки в рамках культурной политики: теперь помимо традиционной культуры финансирование также получают различные программы и деятельность, относящиеся к современной культуре и спорту. В общем и целом, именно развитие спортивной дипломатии стало одним из основных достижений администрации Чон Ду Хвана.

Первым очевидным успехом в данном направлении является проведение 10-х Летних Азиатских Игр 1986 г. в Сеуле.⁸⁰ Позднее Азиада оценивалась в качестве тестового мероприятия для более крупного события – Сеул был избран столицей Летних Олимпийских игр 1988 г. Выступая в роли организатора таких крупномасштабных

⁷⁸ Park M. Op. cit. P. 81.

⁷⁹ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 89.

⁸⁰ The 10th Asian Games, Seoul, 1986 / Olympic Council of Asia. URL: <http://www.ocasia.org/Game/GHAFDetails?q=NtpwTOliipDwo6ShqBnES9pAr07vw1qrXHujsQhea1AMiTOIMPbUkOPpyPyEphz+Dah3FPOb7tPqg6E5o6ISTw==> (дата обращения: 15.03.2019).

спортивных соревнований, правительство преследовало свои определенные цели. В первую очередь, оно стремилось отвлечь местное население от существующей в стране политической напряженности – к тому моменту государство вот уже не менее двадцати лет находилось под властью военной диктатуры, но набирающее стремительные обороты экономическое развитие позволило дать свои первые ростки национальному движению за демократизацию. Более того, правительству было крайне необходимо восстановить свой имидж на международной арене после двух крупных социальных потрясений: убийства президента Пак Чон Хи в 1979 г. и жестоко подавленного восстания в г. Кванъчжу в 1980 г. И наконец, наиболее сильным было желание показать всему миру, чего смогла достичь Республика Корея за последние тридцать лет, и таким образом избавиться от негативных образов «корейской войны», «государственного разделения» и «нестабильности»⁸¹. Конечная цель проведения Олимпийских игр, которой добивалось правительство, заключалась в «международном признании Кореи в качестве развитого государства и важного игрока на международной арене».⁸² И немалую роль в достижении этой цели сыграло то, насколько продвинутыми к тому времени стали технологии теле- и радиокommunikации, позволившие не только наиболее полным образом осветить события Олимпийских игр, но и обратить внимание зарубежной аудитории на корейскую традиционную культуру, историю, а также успешные результаты страны в плане социально-экономического развития.

Таким образом, те усилия, которые прилагало правительство Республики Корея в рамках проведения последовательной политики, в большей степени, направленной на формирование корейской национальной идентичности и возрождение корейской традиционной культуры, способствовали становлению основ и развитию культурной и спортивной дипломатии – неотъемлемых элементов современной публичной дипломатии. И было это достигнуто в первые сорок лет с момента существования южнокорейского государства. Начало второго этапа эволюции корейской публичной дипломатии, диверсификации, практически совпадает с началом Шестой республики – периода в истории Республики Корея, обозначившего вступление государства на путь демократизации впоследствии реформ, прежде всего, предусматривающих прямые президентские выборы.

⁸¹ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 89.

⁸² Larson J.F., Rivenburgh N.K. Televised Constructions of the Seoul Olympic Opening Ceremony in Australia, the United Kingdom, and the United States / The Educational Resources Information Center (ERIC). – 1989. – pp. 4-31. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED313732.pdf> (дата обращения: 16.03.2019).

Президентский срок Ро Дэ У, вступившего на свой пост в 1988г., расценивается в качестве периода перехода власти от военной хунты к гражданскому правительству в соответствии со стремлением общества к демократизации государства.⁸³ Придерживаясь данного курса, правительство Ро Дэ У предприняло определенные меры по либерализации различных сфер общественной жизни. Так, в 1990 г. был обнародован «Генеральный план культурного развития», исполнение которого было рассчитано на десятилетний срок. Одной из преимущественных целей данного плана было «содействие международному культурному обмену», достижение которой производилось посредством политики «открытых дверей» для иностранных культурных индустрий.⁸⁴ Благодаря этому произошла интенсификация обменной практики в самых различных сферах общественной жизни: экономической, образовательной, культурной и т.п.

В целях систематизации обменной деятельности в 1991 г. были учреждены две новые организации, аффилированные МИД Республики Корея: Корейский Фонд и Корейское агентство международного сотрудничества. Корейский Фонд был создан на основе Международной культурной ассоциации Кореи, учрежденной в 1976 г. Министерством культуры (бывшим Министерством по делам культуры и общественной информации). Одной из наиболее важных инициатив ассоциации является начало выпуска в 1987 г. ежеквартального журнала «Koreana», предназначенного для популяризации «корейской культуры, традиционного и современного искусства с целью достижения лучшего понимания Кореи».⁸⁵ С течением времени масштабы деятельности ассоциации были расширены, что и привело к ее реорганизации в Корейский Фонд.

На сегодняшний день деятельность Корейского Фонда осуществляется по четырем основным направлениям: во-первых, поддержка корейских исследований за рубежом; во-вторых, осуществление обменных программ в области культуры и искусств (например, организация выставок и культурных мероприятий в престижных иностранных музеях); в-третьих, обмен опытом международного сотрудничества (например, организация специальных форумов для представителей академических, политических или бизнес-сообществ); в-четвертых, поддержка СМИ и выпуска периодики, связанной с Кореей.⁸⁶ Таким образом, посредством осуществления деятельности по выше указанным

⁸³ Park H. Film Censorship and Political Legitimation in South Korea, 1987-1992 // Cinema Journal. – 2002. Vol. 42. №1. – P. 121.

⁸⁴ Yim. H. Op. cit. P. 41.

⁸⁵ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 92.

⁸⁶ Документы Фонда / Корейский Фонд. URL: <http://ru.kf.or.kr/?menu=793> (дата обращения: 16.03.2019).

направлениям, призванным содействовать лучшему пониманию корейского государства и его общества за рубежом, Корейский Фонд стал одним из механизмов публичной дипломатии в структуре МИД Республики Корея.

В свою очередь, Корейское агентство международного сотрудничества представляет собой правительственную организацию по оказанию официальной помощи в целях развития (ОПР), которая способствует повышению эффективности осуществления программ помощи Республики Корея развивающимся странам. Несмотря на то, что организация была учреждена в 1991 г., история осуществления ОПР корейским государством уходит на десятилетия назад. Начиная с 1960-х гг., основа южнокорейских программ ОПР представляла собой обмен специалистами, проведение тренингов и семинаров. Однако, по мере того, как Республика Корея достигала определенных успехов в своем экономическом развитии, все больше развивающихся стран становились заинтересованными в перенятии данного опыта. Более того, теперь южнокорейское государство могло позволить себе стать финансовым донором. В связи с этим, перед правительством встала проблема отсутствия единого координирующего института, способного курировать осуществление деятельности, связанной с ОПР.⁸⁷ Таким образом, учреждение Корейского агентства международного сотрудничества стало решающим шагом, консолидирующим все проекты ОПР под управление одного ведомства.

Диверсификационный характер второго этапа эволюции публичной дипломатии Республики Корея обусловлен тем, что к моменту принятия в 1990 г. «Генерального плана культурного развития» государство уже имело обширный опыт осуществления различного рода обменов, но их суть заключалась в том, что именно Корея выступала в роли реципиента, получающего помощь в виде знаний, технологий или финансов. Однако ввиду определенных факторов Корея сменила свой вектор и теперь использовала публичную дипломатию не только для привлечения подобной помощи извне, но и выступая в качестве её донора, направленного вовне.

Факторами диверсификации можно обозначить следующие положения: во-первых, благодаря успешно протекающему процессу экономического развития Корея смогла встать на путь демократизации своей социально-политической системы, что способствовало здоровой смене поколений в структурах власти. И это новое поколение испытывало чувство

⁸⁷ History of Korea's ODA and KOICA / K-Developedia. URL: https://www.kdevelopedia.org/Development-Overview/official-aid/history-korea-s-odkoica--201412110000389.do?fldRoot=TP_ODA&subCategory=TP_ODA_GE#.XIlexB7iLIV (дата обращения: 16.03.2019).

«морального долга», и в том числе перед международным сообществом, которое оказало поддержку в развитии южнокорейского государства. Во-вторых, ввиду завершения состояния холодной войны происходила реструктуризация системы международных отношений, что стало причиной более активного вовлечения Республики Корея в международное сообщество, во время которого страна старалась проецировать собой пример успешного развития постколониального государства. Из данного положения следуют два других фактора: распад биполярной системы привел к образованию новых государств на территории постсоветского пространства, для которых Корея выступила в роли одного из источников ОПР, направленной на проведение политических и экономических реформ. Более того, крах социалистической системы в странах Восточной Европы и распад Советского Союза показали несостоятельность режима, существующего в КНДР – идеологического противника Республики Корея. Таким образом, усилив осуществление различных программ помощи и обмена, южнокорейское государство поставило цель занять доминирующую позицию по отношению к Пхеньяну посредством демонстрации своих возросших возможностей в области как «жесткой», так и «мягкой силы».⁸⁸ В конечном результате, итогом второго этапа эволюции стало превращение публичной дипломатии Республики Корея в инструмент, действие которого направленно не только вовнутрь, но и вовне.

Третий этап эволюции публичной дипломатии, полицентризм, непосредственно связан с возникновением довольно широко известного феномена «корейской волны» («халлю»). Термин «халлю», значение которого можно буквально перевести как «корейская волна», был впервые использован китайскими СМИ в конце 1990-х гг. для того, чтобы охарактеризовать растущую популярность культурных продуктов, импортируемых из Южной Кореи на рынки Китая, стран Юго-Восточной Азии, а затем и Японии.⁸⁹ В то время основу южнокорейских культурных продуктов составляли телесериалы («дорамы»), впоследствии посредством которых удалось популяризовать корейскую поп-музыку, корейскую кухню, корейский стиль жизни, и даже привлечь обширное внимание к традиционной культуре Кореи.

Принято считать, что источником халлю является деятельность негосударственного, частного сектора, однако это не совсем так. В действительности,

⁸⁸ Abduazimov M.S. Op. cit. Pp. 94-95.

⁸⁹ Kim E., Ryoo J. South Korean Culture Goes Global: K-Pop and the Korean Wave // Korean Social Science Journal. – 2007. XXXIV. №1. – P. 118.

основы для развития халлю были заложены еще при правительствах Ро Дэ У (1988-1993 гг.) и Ким Ён Сама (1993-1998 гг.). Политика «культуры для всего народа», закрепленная Ро Дэ У в «Генеральном плане культурного развития» 1990 г., способствовала либерализации культурной индустрии страны, что позволило негосударственным лицам заниматься производством и реализацией культурной продукции. В свою очередь, центральную роль в период президентства Ким Ён Сама занимала политика «Создание новой Кореи», также известная как «Сегйехва» («глобализация»), призванная содействовать адаптации государства к зарубежной конкуренции в экономике, в том числе ее социально-культурной сфере. В соответствии с данной политикой в 1994 г. в структуре Министерства культуры и спорта (бывшего Министерства культуры) было учреждено Бюро по делам культурной индустрии, в компетенции которого входило «содействие росту и развитию тем секторам культурной индустрии, производящим продукцию с высокой добавленной стоимостью, в особенности аудиовизуальному сектору». ⁹⁰ Нарастивая экономический потенциал культурной индустрии, правительство Ким Ён Сама также приняло в 1995 г. закон «О содействии кинематографии», направленный на поддержку местного кинопроизводства посредством привлечения финансовых инвестиций со стороны чэболей – таких крупных южнокорейских конгломератов, как «Samsung Group», «LG Group», «Hyundai», «Lotte Group» и т.п. ⁹¹

Экономическая ориентированность культурной политики, инициированная Ким Ён Самом, была продолжена при правительстве Ким Дэ Чжуна (1998-2003 гг.), однако ее масштабы во много раз превосходили то, на что рассчитывала предыдущая администрация. Подобная политика стала прямым следствием Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и стратегии государства по восстановлению своей экономики. Объективно осознавая общемировую тенденцию перехода к информационному обществу в рамках стремительного развития информационных технологий, в своей инаугурационной речи в 1998 г. Ким Дэ Чжун заявил о том, что восстановление экономики южнокорейского государства лежит в основе его перехода от производственной экономики к наукоемкой. ⁹²

⁹⁰ Park M. Op. cit. Pp. 94-96.

⁹¹ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 97.

⁹² Inaugural Address by Kim Dae-jung the 15th-term President of the Republic of Korea / Ministry of Unification, Republic of Korea. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/news/speeches/%3Bjsessionid=HXI4u4Ynlv14Y72tUznSAQkn.unikorea11?boardId=bbs_0000000000000036&mode=view&cntId=31906&category=&pageIdx=10 (дата обращения: 16.03.2019).

Следуя заданному курсу, правительство приняло несколько стратегических документов в сфере культурной политики, в том числе «План по поддержке телевидения» 1998 г. и закон «О культурной индустрии» 1999 г., которые обеспечивали правовую основу для правительственной поддержки и более глубокого вовлечения чэболей в культурную индустрию. В плане структурных изменений при финансовой поддержке правительства в 2001 г. было учреждено Корейское агентство культурных ресурсов, основной задачей которого является всесторонняя поддержка производства и экспорта южнокорейских культурных продуктов, в том числе: анализ зарубежных рынков, привлечение инвестиций, организация образовательных программ для специалистов творческих профессий и т.п.⁹³ Осуществленные правительством Республики Корея инициативы вызвали высокий интерес со стороны представителей частного сектора в качестве перспективного альтернативного источника получения прибыли в контексте прошедшего Азиатского финансового кризиса.

Следуя по стопам своего предшественника, правительство Но Му Хёна (2003-2008 гг.) продолжило экономическую ориентацию культурной политики государства, развивая ее в соответствии с требованиями времени. Так, в 2007 г. в структуре Министерства культуры и туризма (бывшего Министерства культуры и спорта) была создана Рабочая группа по вопросам игровой индустрии, основной задачей которой является поддержка индустрии компьютерных игр на национальном и международном уровнях. Тем не менее государство не прекращает активного содействия в продвижении элементов традиционной культуры Кореи. Поэтому в рамках культурной политики правительства Но Му Хёна существовала концепция «бренда Хан», который знакомил зарубежную аудиторию с такими традиционными культурными элементами, как «ханбок» - корейский традиционный наряд, «ханок» - традиционный корейский дом, «ханчжи» - тутовая бумага и т.п.⁹⁴

Таким образом, основа для зарождения и развития халлю была заложена культурной политикой Республики Корея, то есть корейская волна – результат сотрудничества между государственным и частным секторами экономики. Следует отметить, что если изначально правительство использовало культурный продукт в качестве инструмента легитимации своей власти, то со временем и ввиду выше обозначенных факторов культурный продукт стал перспективным источником получения экономической прибыли. В итоге, полицентрический характер третьего этапа эволюции публичной дипломатии заключается в том, что теперь источником публичной дипломатии помимо

⁹³ Park M. Op. cit. Pp. 102-105.

⁹⁴ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 97.

самого государства могут выступать частные неправительственные организации и агентства. Необходимо добавить, что именно халлю стала наиболее эффективным инструментом формирования межкультурных связей и достижения взаимного понимания между корейским и зарубежным обществами.

Начало четвертого этапа эволюции публичной дипломатии Республики Корея, институционализации, связывают с началом президентского срока Ли Мён Бака (2008-2013 гг.). Процесс шестисторонних переговоров по вопросу мирного разрешения проблем безопасности, возникших вследствие развития северокорейской ядерной программы, происходивший в период правительства Но Му Хёна, обернулся незначительными результатами для всех участвующих сторон. Подобный исход вынудил южнокорейское правительство провести переоценку роли государства на международной арене, в особенности по отношению к своим ближайшим соседям, КНР и Японии, а также давнему союзнику, США – странам, обладающим довольно значительным весом как в Тихоокеанском регионе, так и в мире в целом. Результатом подобной переоценки стали следующие выводы: во-первых, дипломатический и политический вес Республики Корея не соответствовал уровню возможностей «жесткой силы» государства (по уровням экономической и военной мощи страна находилась на 13 и 15 местах соответственно); во-вторых, несмотря на высокий потенциал ресурсов «жесткой силы», Республика Корея не была способна составить конкуренцию в этом плане Китаю или Японии.⁹⁵

На основе данных выводов правительство Ли Мён Бака разработало идею о «Глобальной Корее», в центре которой лежала концепция Республики Кореи в качестве государства – «средней державы» («middle power»). В целях улучшения имиджа и повышения роли южнокорейского государства на международной арене правительство стремилось закрепить за страной статус «посредника» и активного разработчика международной повестки дня путем организации и участия в различных многосторонних переговорных процессах и платформах: саммит Большой двадцатки в Сеуле в 2010 г., Четвертый Форум высокого уровня по повышению эффективности внешней помощи 2011 г. в Пусане в рамках деятельности Организации экономического сотрудничества и развития; Второй саммит по ядерной безопасности 2012 г. в Сеуле.⁹⁶ Растущее экономическое влияние, южнокорейский опыт постколониального развития, а также высокий уровень

⁹⁵ Lee S.J. South Korean Soft Power and How South Korea Views the Soft Power of Others // Lee S.J., Melissen J. Public Diplomacy and Soft Power in East Asia. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 140.

⁹⁶ Lee S.J. South Korea's Middle Power Activism and the Retooling of Its Public Diplomacy // Melissen J., Sohn Y. Understanding Public Diplomacy in East Asia. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 116.

технологического прогресса – все эти ресурсы «мягкой силы» Республики Корея послужили основой для начала построения имиджа «средней державы».⁹⁷ В свою очередь, совокупная концепция «мягкой силы» стала альтернативным источником государственной мощи и стратегическим элементом внешней политики страны, необходимым для признания Республики Кореи в качестве весомого актора на международной арене.

В соответствии с курсом на развитие «мягкой силы» в 2010 г. правительство Ли Мён Бака объявило о начале создания базы для публичной дипломатии Республики Кореи⁹⁸, а также инициировало исследовательский проект в рамках Корейского Форума по вопросам публичной дипломатии, созданного совместными усилиями МИД и Корейского Фонда.⁹⁹ Таким образом произошло официальное закрепление термина «публичной дипломатии» в государственном понятийном аппарате. Впоследствии в сентябре 2011 г. в структуре МИД была сформирована новая должность – Посол по вопросам публичной дипломатии, в дальнейшем возглавивший Отдел по вопросам публичной дипломатии, учрежденный в январе 2012 г. Однако, несмотря на структурные изменения, публичная дипломатия не смогла функционировать как целостный инструмент внешней политики ввиду следующих факторов: отсутствие единого координирующего института, который бы курировал деятельность всех механизмов публичной дипломатии; отсутствие единого стратегического документа, закрепляющего цели публичной дипломатии; отсутствие элемента «прислушивания» к зарубежному обществу, необходимого для формирования наиболее эффективных методов осуществления публичной дипломатии.¹⁰⁰

Правительство Пак Кын Хе (2013-2016 гг.) смогло устранить существующие проблемы посредством принятия в 2016 г. закона «О публичной дипломатии».¹⁰¹ В соответствии с данным законом, МИД Республики Корея становится основным институтом, координирующим осуществление всех программ публичной дипломатии. Также, согласно 6 статье данного закона, МИД обязан заниматься разработкой всеобъемлющей стратегии публичной дипломатии каждые пять лет. И наконец, 10 и 11 статьи данного закона

⁹⁷ Kim S. South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges / Chatham House. – London: The Royal Institute of International Affairs, 2016. – P. 5.

⁹⁸ Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – Seoul, 2010. – P. 229.

⁹⁹ ‘공공외교 포럼’ 출범식 및 기념 학술회의 개최 / 외교통상부. – 2010. (Торжественное открытие «Форума по вопросам публичной дипломатии» / Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея. – 2010.) URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4080/view.do?seq=327804 (дата обращения: 17.03.2019).

¹⁰⁰ Abduazimov M.S. Op. cit. P. 103.

¹⁰¹ Ministry of Foreign Affairs Act No. 13951 of February 3, 2016. Public Diplomacy Act / The Korea Legislation Research Institute. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=39471&type=new&key= (дата обращения: 17.03.2019).

закрепляют необходимость проведения сбора информации с целью обеспечения аналитическими данными различных государственных и негосударственных институтов в системе механизмов осуществления публичной дипломатии Республики Корея. Таким образом, институционализационный характер четвертого этапа эволюции публичной дипломатии Республики Корея заключается в юридическом закреплении фактически существующей практики осуществления публичной дипломатии южнокорейским государством. Впрочем, следует отметить, что четвертый этап еще не завершен, поэтому будет корректнее всего обозначить его в качестве периода процесса институционализации.

2.2. Публичная дипломатия Республики Корея: государственная концепция и механизмы

Принятие закона «О публичной дипломатии» в феврале 2016 г. можно назвать одним из наиболее значительных шагов правительства Республики Корея на пути к установлению концептуальных рамок публичной дипломатии. Прежде всего, это было необходимо для определения того, что именно государство вкладывает в ее понятие. В соответствии со статьей 2 выше обозначенного закона публичная дипломатия определяется как «дипломатическая деятельность, посредством которой государство способствует выработке понимания и доверия к Республике Корея у иностранных граждан с помощью культуры, знаний, политики и т.д., при этом действуя самостоятельно либо в сотрудничестве с местными органами власти или частным сектором».¹⁰²

В данном законодательно закреплённом определении можно выделить несколько достаточно важных аспектов. Во-первых, в роли акторов, осуществляющих публичную дипломатию, выступают само государство (его центральное правительство), местные органы власти в административно-территориальных единицах Республики Корея, а также частный сектор. Государство является центральным актором, в то время как местные органы власти и частный сектор играют вспомогательную роль. Следует отметить, что согласно статье 9 закона местные органы власти и представители частного сектора имеют право запросить информационную, финансовую или административную поддержку государства для осуществления проектов публичной дипломатии. Во-вторых, в качестве основных ресурсов публичной дипломатии, с помощью которых правительство Республики Корея намерено завоевывать понимание и доверие зарубежной аудитории, выступают

¹⁰² Ministry of Foreign Affairs Act No. 13951 of February 3, 2016. Public Diplomacy Act / The Korea Legislation Research Institute. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=39471&type=new&key= (дата обращения: 17.03.2019).

культура, знания и политика. В то же время, согласно статье 4 закона южнокорейские граждане одновременно выступают как субъектами, так и объектами публичной дипломатии, так как государству необходимо привлечь общество к участию в ее осуществлении.¹⁰³

Помимо закрепления государственного определения публичной дипломатии закон также устанавливает основы ее институциональной структуры. Как упоминалось ранее, Министерство иностранных дел Республики Корея является главным координирующим институтом публичной дипломатии. В соответствии со статьей 8 в его составе был учрежден Комитет по вопросам публичной дипломатии, основной задачей которого является формирование единой последовательной политики в рамках осуществления публичной дипломатии различными правительственными и неправительственными институтами и агентствами, частными лицами; комитет обязан следить за тем, чтобы их деятельность согласовывалась с положениями основных стратегических документов, касающихся публичной дипломатии. Комитет формируется из высших должностных лиц министерств и других государственных ведомств, а также специалистов из частного сектора, при этом общее количество членов не должно превышать двадцати. Министр иностранных дел лично возглавляет данный комитет.¹⁰⁴ Следует добавить, что комитет выполняет важную функцию по обеспечению платформы для кооперации государственного и частного секторов не только в рамках координации их деятельности, но и выработке общего направления публичной дипломатии Республики Корея.

Подготовка всех программ и проектов, связанных с публичной дипломатией, должна проводиться в соответствии с двумя основными стратегическими документами, закрепленными в законе 2016 г. Один из документов представляет собой генеральный план, рассчитанный на пять лет, а другой – план действий, рассчитанный на один календарный год. На сегодняшний день в качестве генерального плана выступает Первый основополагающий план публичной дипломатии Республики Корея на 2017-2021 гг. Наиболее важным аспектом этого документа в рамках данной исследовательской работы представляется глава, обозначившая ключевые задачи публичной дипломатии Республики Корея: улучшение имиджа государства посредством обширных ресурсов корейской культуры; углубление понимания государства посредством поддержки корееведения и

¹⁰³ Ministry of Foreign Affairs Act No. 13951 of February 3, 2016. Public Diplomacy Act / The Korea Legislation Research Institute. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=39471&type=new&key= (дата обращения: 17.03.2019).

¹⁰⁴ Там же.

изучения корейского языка; достижение высокого уровня поддержки курса южнокорейской политики; усиление возможностей публичной дипломатии посредством развития «дипломатии прямого участия»; интенсификация сотрудничества государственно-частного партнерства по вопросам публичной дипломатии.¹⁰⁵ Среди выше перечисленных задач особый интерес вызывает пункт, связанный с развитием «дипломатии прямого участия». Впервые данная концепция была отражена в 2017 г. в списке «100 политических задач» администрации Мун Чжэ Ина, суть которой заключается в усилиях МИД по углублению понимания граждан Республики Корея внешней политики государства и увеличению их поддержки, что должно способствовать вовлечению общества в процесс более активного непосредственного продвижения национальных интересов страны.¹⁰⁶ Иными словами, концепция «дипломатии прямого участия» является очередным фактором, указывающим на то, что южнокорейское общество играет роль и субъекта, и объекта публичной дипломатии Республики Корея.

В свою очередь, в настоящее время открытым для всеобщего доступа содержится лишь один одногодичный план действий – Всеобъемлющий план публичной дипломатии на 2018 г. Ценность данного документа заключается в том, каким подробным образом корейское правительство осуществляет планирование деятельности по осуществлению публичной дипломатии. Документ составлен таким образом, чтобы главы отражали все запланированные на 2018 г. проекты и мероприятия в соответствии с тем, кто является их исполнителем: либо одно из центральных правительственных учреждений, либо местные органы власти в одной из семнадцати административно-территориальных единиц провинциального уровня.¹⁰⁷

Таким образом, основы государственной концепции публичной дипломатии Республики Корея охватываются в следующих трех документах: закон «О публичной дипломатии» от 3 февраля 2016 г., Первый основополагающий план публичной дипломатии Республики Корея на 2017-2021 гг., а также Всеобъемлющий план публичной дипломатии на 2018 г. Следует добавить, что в августе 2016 г. был также принят Исполнительный указ

¹⁰⁵ 제 1 차 대한민국 공공외교 기본계획 [2017-2021] / 외교부. – 서울, 2017. – 15-45 쪽 (Первый основополагающий план публичной дипломатии Республики Корея на 2017-2021 гг. / Министерство иностранных дел Республики Корея. – Сеул, 2017. – С.15-45.) URL: <http://www.publicdiplomacy.go.kr/introduce/public.jsp> (дата обращения: 23.03.2019).

¹⁰⁶ Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – Seoul, 2018. – P. 228.

¹⁰⁷ 2018 년도 공공외교 종합시행계획 I / 외교부. – 서울, 2018. – 455 쪽 (Всеобъемлющий план публичной дипломатии на 2018 г. Часть 1 / Министерство иностранных дел Республики Корея. – Сеул, 2018. – 455 с.) URL: <http://www.publicdiplomacy.go.kr/introduce/public.jsp> (дата обращения: 23.03.2019).

президента Республики Корея, направленный на обеспечение эффективной реализации закона «О публичной дипломатии», в том числе описывающий процедуру придания различным ведомствам и учреждениям статуса института, осуществляющего публичную дипломатию.¹⁰⁸

Основная структура механизмов публичной дипломатии Республики Корея состоит из центральных государственных институтов и аффилированных ими агентств, дополняемая деятельностью различных неправительственных организаций. Министерство иностранных дел Республики Корея занимает стержневую позицию, координируя деятельность других ведомств в соответствии с формулируемым им курсом внешней политики государства. Следует отметить, что судить о том, какую важную роль публичная дипломатия играет в качестве одного из внешнеполитических инструментов, можно по тому, какое место она занимает в наиболее существенных официальных документах МИД. Так, наравне с денуклеаризацией на Корейском полуострове одной из ключевых дипломатических задач министерства согласно Плану основных мероприятий на 2019 г. является «продвижение национальных интересов государства посредством публичной дипломатии».¹⁰⁹ Более того, ежегодно выпускаемые министерством Белые книги, представляющие собой отчетный документ для корейских граждан, до 2018 г. содержали в себе главу, посвященную публичной дипломатии. Однако, если раньше эта глава входила в общий раздел «Повышение роли и авторитета Кореи в международном сообществе», то в Белой книге 2018 г. публичная дипломатия и связанная с ней деятельность получили свой отдельный раздел под названием «Дипломатия вместе с народом».¹¹⁰

Публичная дипломатия, которую осуществляет непосредственно МИД, во многом связана с культурной дипломатией. В первую очередь министерство следит за исполнением положений двусторонних межправительственных Соглашений о культурном сотрудничестве между Республикой Корея и другими зарубежными государствами. На сегодняшний день Кореей было подписано 103 таких соглашения, 98 из которых являются

¹⁰⁸ Presidential Decree No. 27438 of August 4, 2016. Enforcement Decree of the Public Diplomacy Act / The Korea Legislation Research Institute. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=45477&type=lawname&key=public+diplomacy (дата обращения: 23.03.2019).

¹⁰⁹ 2019 년 외교부 주요업무 추진계획 / 외교부. – 서울, 2019. – 2 쪽 (План основных мероприятий МИД Республики Корея на 2019 г. – Сеул, 2018. – С.2.) URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4080/view.do?seq=369060 (дата обращения: 23.03.2019).

¹¹⁰ Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – Seoul, 2018. – P. 217.

действующими.¹¹¹ В рамках соглашений МИД в сотрудничестве с другими правительственными ведомствами организует проведение различных культурных обменов и мероприятий, которые могут быть приурочены, например, к перекрестным годам культуры или знаменательным датам в дипломатических отношениях между странами. Особую роль в организации подобных мероприятий играют зарубежные представительства Республики Корея, которые не только выступают в качестве координатора в стране проведения, но также занимаются привлечением необходимых спонсоров и информированием местного населения, в том числе зарубежных корейцев.

Как уже упоминалось ранее, одним из наиболее значимых механизмов публичной дипломатии является аффилированный Министерством иностранных дел Корейский Фонд. В рамках работы по основным четырем направлениям, которые были обозначены в первом параграфе данной главы, фонд осуществляет такие программы, как: выделение различных стипендий и грантов; организация курсов корейского языка в университетах Республики Корея для зарубежных студентов, специалистов и дипломатов; направление профессоров-корееведов и преподавателей корейского языка в зарубежные университеты; проведение фестивалей корейской культуры за рубежом; предоставление учебных материалов для иностранных образовательных учреждений и т.п. Однако, помимо деятельности, направленной на зарубежную аудиторию, фонд также осуществляет работу с корейскими гражданами. Так, в 2018 г. была запущена программа «Академия публичной дипломатии», в рамках которой молодое население Республики Кореи имеет возможность узнать о том, что такое публичная дипломатия, а также получить не только опыт в ее осуществлении, но и финансирование для своих проектов в области публичной дипломатии.¹¹² Следует добавить, что фонд занимается сбором благотворительных взносов, которые впоследствии используются для спонсирования различных программ, причем совершающие взнос лица или компании имеют право определять, на какую программу пойдут средства или в какой стране они могут быть использованы. Таким образом, по данным Ежегодного отчета Корейского Фонда за 2017 г. общая сумма произведенных благотворительных взносов составила практически 3 млн. 177 тыс. долларов.¹¹³

¹¹¹ 문화협정 / 공공외교 포털 (Соглашение о культурном сотрудничестве / Портал публичной дипломатии МИД Республики Корея). URL: http://www.publicdiplomacy.go.kr/summary/summary_public02.jsp (дата обращения: 23.03.2019).

¹¹² KF Public Diplomacy Program / Korea Foundation. URL: <http://en.kf.or.kr/?menuno=5118&kflnindex=> (дата обращения: 23.03.2019).

¹¹³ Annual Report KF 2017 / Korea Foundation. – Seoul, 2017. – P. 51.

Другим не менее важным механизмом публичной дипломатии, аффилированным Министерством иностранных дел Республики Корея, является Корейское агентство международного сотрудничества. Основная миссия агентства заключается в «помощи экономическому и социальному развитию в развивающихся странах». ¹¹⁴ Деятельность агентства, нацеленную на исполнение данной миссии, можно условно разделить на шесть направлений: стипендиальные программы для подготовки специалистов из развивающихся стран; направление групп экспертов и волонтеров; содействие в сфере научно-технических инноваций; развитие государственно-частного партнерства; оказание гуманитарной помощи; ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций. ¹¹⁵ Общее количество стран, помощь которым оказывает Республика Корея посредством агентства, насчитывает 134 государства, однако в 2015 г. южнокорейское правительство определило 24 приоритетных страны-партнера в соответствии с южнокорейской стратегией оказания официальной помощи в целях развития. ¹¹⁶ Следует отметить, что данные страны разделены на четыре группы по региональному признаку, и самую большую группу – 11 стран – представляет азиатский регион. Таким образом, если Корейский Фонд в большей степени занимается вопросами из области культуры и образования, то Корейское агентство международного сотрудничества реализует экономический потенциал ресурсов публичной дипломатии южнокорейского государства.

Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея также представляет собой один из механизмов публичной дипломатии на уровне центральных правительственных ведомств. В структуре министерства состоят несколько учреждений, осуществляющих под его руководством деятельность в области публичной дипломатии. В первую очередь, это Корейская служба культуры и информации, основная миссия которой заключается в «продвижении ценностей корейской культуры по всему миру и содействии в улучшении национального имиджа государства». ¹¹⁷ В соответствии с данной миссией Корейская служба культуры и информации исполняет координирующую роль для корейских культурных центров, находящихся за рубежом, количество которых на сегодняшний день составляет – 32 центра в 27 государствах. Помимо этого, Корейская

¹¹⁴ Mission & Vision / Korea International Cooperation Agency. URL: https://www.koica.go.kr/koica_en/3386/subview.do (дата обращения: 24.03.2019).

¹¹⁵ Type of Aid / KOICA statistics. URL: <http://stat.koica.go.kr/ipm/os/acms/btypPrjctCoList.do?lang=en> (дата обращения: 24.03.2019).

¹¹⁶ Country Partnership Strategy / ODA Korea. URL: <http://www.odakorea.go.kr/eng.policy.CountryPartnershipStrategy.do> (дата обращения: 24.03.2019).

¹¹⁷ Vision and Mission / Korean Culture and Information Service. URL: <http://www.kocis.go.kr/eng/openVision.do> (дата обращения: 24.03.2019).

служба культуры и информации прилагает усилия по устранению ложных или некорректных сведений в различных СМИ путем работы с непосредственным источником.¹¹⁸ В целях продвижения изучения корейского языка в 2012 г. Министерство культуры, спорта и туризма учредило Институт имени Короля Сечжона. Благодаря институту граждане зарубежных стран имеют возможность не только изучить корейский язык, но и ознакомиться с корейской традиционной и современной культурой. На данный момент количество филиалов Института имени Короля Сечжона составляет 167 институтов в 55 государствах.¹¹⁹ И наконец, Министерство культуры, спорта и туризма также осуществляет управление международной телерадиовещательной службой «Ариран ТВ», рабочим языком которой является английский. Вниманию зарубежного зрителя предлагается возможность ознакомиться с корейским телевидением, начиная от программ новостей и заканчивая популярными телесериалами.

Министерство образования Республики Корея можно назвать последним из основных правительственных ведомств, осуществляющих программы публичной дипломатии. В данном случае речь пойдет о Национальном институте развития международного образования, находящемся в структуре министерства с 2013 г. после его реорганизации. Существенная доля деятельности института заключается в реализации различных стипендиальных и обменных программ как для иностранных студентов, так и для граждан Республики Корея. Следует отметить, что стипендиальные программы, осуществляемые Корейским Фондом, предполагают то, что иностранный студент будет получать образование по программе, связанной с изучением Кореи, за пределами южнокорейского государства. В свою очередь, стипендиальные программы Национального института развития международного образования предполагают возможность полного покрытия затрат иностранного студента на обучение в высших учебных заведениях, находящихся на территории Республики Корея. Так, самой главной стипендиальной программой института является «Global Korea Scholarship», при успешном участии в которой студент получает возможность обучаться по программам бакалавриата, магистратуры и докторантуры в университетах Республики Корея. В случае, если студент

¹¹⁸ Greetings from the Director of Korean Culture and Information Service / Korean Culture and Information Service. URL: <http://www.kocis.go.kr/eng/openGreetings.do> (дата обращения: 24.03.2019).

¹¹⁹ Global King Sejong / King Sejong Institute Foundation. URL: <https://www.ksif.or.kr/ste/ksf/hkd/lochkd.do?menuNo=21101800> (дата обращения: 24.03.2019).

не владеет корейским языком, он также обязан отучиться один год на языковых курсах при принимающем университете.¹²⁰

Можно заключить, что основу государственного механизма осуществления публичной дипломатии Республики Корея составляют три правительственных ведомства и аффилированные ими агентства и учреждения: Министерство иностранных дел (Корейский Фонд и Корейское агентство международного сотрудничества), Министерство культуры, спорта и туризма (Корейская служба культуры и информации, Институт имени Короля Сечжона и «Ариран ТВ»), а также Министерство образования (Национальный институт развития международного образования). Тем не менее помимо государственных институтов деятельность в области публичной дипломатии также может осуществляться неправительственными организациями. Одной из подобных организаций можно назвать «Сеть добровольческих агентств Кореи» (Voluntary Agency Network of Korea, VANK), особенность которой заключается в том, что реализация ее программ ведется посредством Интернет-пространства. VANK использует вебсайты в качестве образовательных платформ, с помощью которых заинтересованные молодые люди могут стать «кибер-дипломатами», способными самостоятельно улучшать имидж Республики Корея среди зарубежной аудитории. Чтобы стать «кибер-дипломатом», школьники или студенты регистрируются на одном из таких образовательных сайтов и начинают выполнять определенные задания, среди которых, например, «вызвать интерес к Кореи у друга по переписке». То есть, перед членом VANK стоит задача посредством социальных сетей подружиться с человеком из зарубежного государства и в ходе общения попытаться познакомить его с Кореей, ее историей и культурой, тенденциями современной политики, чтобы создать у него положительный образ Кореи как «страны моего друга».¹²¹ В перспективе рассчитывается, что зарубежные друзья смогут передать этот положительный образ Кореи своим близким, друзьям и знакомым, что соответствует цели молодых «кибер-дипломатов» по продвижению и улучшению имиджа Республики Корея. Вместе с тем следует отметить, что члены VANK в первую очередь транслируют личные взгляды и точку зрения на те или иные вещи, связанные с Кореей, которые иногда могут не соответствовать заявленным правительством национальным интересам государства, поэтому всегда существует вероятность несовпадения деятельности с официальными целями публичной дипломатии.

¹²⁰ GKS Degree Program / National Institute for International Education Development. URL: <http://www.niied.go.kr/user/nd35203.do> (дата обращения: 24.03.2019).

¹²¹ Ayhan K. Branding Korea as “My Friend’s Country”: The Case of VANK’s Cyber Public Diplomats // Korea Observer. – 2018. Vol. 49. №1. – pp. 59-65.

Таким образом, исходя из того, какое существенное положение занимает публичная дипломатия в официальных документах правительства Республики Корея, а также насколько разнообразны механизмы ее реализации, государственная концепция публичной дипломатии в качестве одного из трех столпов-оснований внешней политики государства в достаточной степени находит свое отражение в действительности.

2.3. «Халлю» - движущая сила публичной дипломатии Республики Корея

Благодаря предыдущим параграфам мы выяснили, что Республика Корея располагает довольно обширным ресурсным потенциалом «мягкой силы», который успешно реализуется посредством различных правительственных и неправительственных механизмов. Однако, стержнем южнокорейской публичной дипломатии безусловно можно назвать культуру, и в этом случае халлю – наиболее мощный инструмент ее трансляции за рубеж.

Как уже было отмечено ранее, впервые термин «халлю» был употреблен в конце 1990-х гг. китайскими СМИ для того, чтобы описать растущую и накатывающую как волна популярность южнокорейских культурных продуктов в странах Юго-Восточной Азии, Китае и Японии. Примерно с этого момента берет начало история развития халлю, которую многие исследователи предпочитают делить на несколько этапов. Первый этап, или первую волну халлю, условно можно обозначить как «зарождение корейской волны», хронологически заключенную в рамки периода с конца 1990-х до середины 2000-х гг. Данный этап характеризуется тем, что главным культурным продуктом, экспортируемым Республикой Корея за рубеж, были фильмы и телесериалы.¹²² Начало роста популярности южнокорейских культурных продуктов было отмечено успехом телесериала «Саранги муогиллэ» («Что же такое любовь»), который транслировался на центральном телевидении Китая в 1997 г. Примечательным было то, что практически 39 млн. человек собирались перед экраном своего телевизора, чтобы посмотреть сериал, место действия которого происходит в стране, чья массовая культура до этого практически не вызывала интереса у населения Китая. Благодаря произведенному впечатлению южнокорейские телесериалы стали пользоваться большой популярностью, что впоследствии также привело к росту внимания к эстрадным исполнителям. Постепенно корейская волна первого этапа накрыла такие страны, как Китай, Тайвань, государства Юго-Восточной Азии, а с началом 2000-х гг.

¹²² Dal Y. Hallyu 2.0: The New Korean Wave in the Creative Industry // International Institute Journal. – 2012. Vol.2. №1. – P. 5.

она достигла Японии и даже страны Ближнего Востока, Африки и Восточной Европы. Следует отметить, что существенную роль в этом сыграли несколько факторов: во-первых, достигнутые на тот момент Республикой Корея технические возможности теле- и радиовещания позволили ей транслировать свой культурный продукт в наилучшем качестве; во-вторых, стоимость закупки прав на трансляцию южнокорейских телесериалов была значительно ниже стоимости популярных в то время сериалов из Японии или Гонконга.¹²³ Более того, те национальные традиционные ценности, отраженные в сюжете южнокорейских телесериалов, оказались по-настоящему привлекательными для зрителей из стран Ближнего Востока, отметивших отсутствие чрезмерной эмоциональности и наличие сильной романтической линии без излишней сексуализации.¹²⁴

Вторая волна халлю условно обозначается в соответствии с широко распространенным названием жанра южнокорейской популярной музыки «К-поп» (где «К» подразумевает «Korean», а «поп» - «popular»), начало которой приходится на середину 2000-х гг. Исходя из названия можно сделать вывод, что в роли основного ресурса второго этапа корейской волны выступила продукция именно этого музыкального направления. Развитие цифровых технологий и рост уровня повсеместного использования социальных сетей позволили значительным образом расширить доступ зарубежных фанатов к творчеству своих кумиров. К тому же, благодаря сети Интернет количество затрачиваемых усилий и финансовых средств на продвижение корейских культурных продуктов значительно сократилось. Такие Интернет-платформы, как YouTube, Facebook, Twitter стали основными двигателями популяризации жанра К-поп. О существенном росте популярности южнокорейской музыки в тот период можно судить по следующим цифрам: в 2010 г. Республика Корея произвела экспорт музыкальной продукции на общую сумму 80.9 млн. долларов США, что превысило результат 2009 г. на 159%; в 2011 г. прибыль от музыкальной индустрии в южнокорейский бюджет составила 177 млн. долл. США, что превысило прошлогодний результат на 112%.¹²⁵ Очевидно, что жанр обладает особой привлекательностью, способной обеспечивать подобные результаты. Более того, второй этап корейской волны характеризуется повышением интереса зарубежной аудитории к

¹²³ Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. №2. – С.149.

¹²⁴ Jang G., Paik W.K. Korean Wave as Tool for Korea's New Cultural Diplomacy // Advances in Applied Sociology. – 2012. Vol.2. №3. – P. 198.

¹²⁵ Dal Y. Op. cit. P. 6.

изучению корейского языка, что также вполне можно отнести к заслугам популяризации жанра К-поп.¹²⁶

Третий этап развития корейской волны связан с учреждением в 2012 г. Общества популяризации культуры халлю при Министерстве культуры, спорта и туризма Республики Корея. Основная цель, которую ставит перед собой Общество, заключается во всеобъемлющей поддержке корейской волны посредством выработки средне- и долгосрочных стратегий в сотрудничестве со связанными с халлю правительственными структурами и представителями частного сектора. Более того, по словам министра культуры, спорта и туризма Чхве Гвань Сика, Общество ставит перед собой задачу добиться того, чтобы корейская волна, стержнем которой на сегодняшний день является К-поп, стала явлением K-culture, несущей в себе продукты культуры не только массовой, но и традиционной, в том числе искусство, музыку, литературу и т.п.¹²⁷ Без сомнения, создание специального ведомства в структуре правительства свидетельствует о том, что южнокорейское государство осознало, насколько сильным инструментом продвижения корейской культуры является халлю. Поэтому третий этап развития корейской волны, характеризуемый ее качественным изменением, демонстрирует существенную роль халлю как ключевого инструмента публичной дипломатии Республики Корея.

На сегодняшний день последствия влияния корейской волны на зарубежную аудиторию проявляются в совершенно различных сферах, и в первую очередь это касается экономики. По данным Корейского фонда международного культурного обмена, в 2017 г. доходы от экспорта культурных товаров Республики Корея за рубеж принесли совокупный доход государству в размере 8.2 млрд. долл. США.¹²⁸ Подобная цифра стала реальностью благодаря тому, что халлю является по-настоящему мощным инструментом рекламы. Многие компании, занимающиеся производством какой-либо продукции либо предоставлением услуг, используют имена и лица популярных актеров и музыкантов для привлечения потенциальных покупателей. Более того, сам образ жизни, который ведут знаменитости, способствовал появлению особой потребительской культуры, в соответствии с которой у поклонников возникает желание приобретать те же товары, что и

¹²⁶ Лачина Е.В. Цит. соч. С. 150.

¹²⁷ 김용운. 정부 한류문화진흥단 30 일 출범 // 이데일리. – 2012. (Ким Ё. 30 января было учреждено Общество популяризации культуры халлю при правительстве Республики Корея // Идэйлли. – 2012.) URL: <http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=01961446599402968&mediaCodeNo=257> (дата обращения: 31.03.2019).

¹²⁸ Xu A., Nahm H. Hallyu exports hit USD 8.2 billion // Korea.net. – 2018. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/Culture/view?articleId=159075> (дата обращения: 31.03.2019).

их кумир: еду, одежду, средства макияжа и т.п. При этом не обязательно, что между брендом и знаменитостью заключен рекламный контракт. Так, в феврале 2019 г. член популярного корейского бойзбэнда BTS случайно упомянул в переписке с поклонниками бренд используемого им кондиционера для белья, итогом чего стало то, что практически во всех электронных супермаркетах Южной Кореи данный товар был распродан в течение суток.¹²⁹

Другой не менее важной отраслью, на которую повлияла корейская волна, является сфера туризма. Согласно подсчетам Организации туризма Кореи, в 2018 г. Республику Корея посетило 15.3 млн. иностранных граждан, что на 15.1% больше по сравнению с 2017 г.¹³⁰ Халлю значительным образом способствует привлечению внимания к Корее как к стране, куда можно отправиться с целью провести свой отпуск. Однако следует отметить, что корейская волна также стала причиной возникновения такого примечательного феномена как «халлю-туризм». На сегодняшний день в нем можно выделить три основных направления: во-первых, приезд туристов в Республику Корея с целью посещения живых концертов южнокорейских исполнителей; во-вторых, поездки для туристов по местам съемок наиболее популярных фильмов и телесериалов; в-третьих, «шоппинг-туризм», во время которого приобретаются товары, связанные с корейской волной – музыкальные альбомы, косметические средства, бытовая техника и т.п.¹³¹ Кроме того, благодаря халлю в рамках медицинского туризма в Республику Корея особенно популярными стали поездки для получения услуг по проведению косметических процедур либо пластических операций. Практически идеальная внешность корейских знаменитостей, а также нормализация восприятия пластической хирургии в южнокорейском обществе – определяющие факторы привлекательности медицинского туризма в Республику Корея.

Корейская волна внесла определенный вклад в увеличение притока иностранных студентов в высшие учебные заведения Республики Корея, особенно в рамках осуществления обменных и языковых программ. Например, по состоянию на 1 апреля 2018 г. в Сеульском национальном университете обучалось 4.195 иностранных студентов, из

¹²⁹ 김태우. 방탄소년단 정국의 한마디에 '다우니 어도러블' 품절 사태가 벌어졌다 // 허프포스트코리아. – 2019. (Kim T. Одно слово Чон Гука из BTS – и «Downey Adorable» уже распродан // Хаффингтон пост. – 2019.) URL: https://www.huffingtonpost.kr/entry/jung-gook_kr_5c469d56e4b027c3bbc4a7dc (дата обращения: 31.03.2019).

¹³⁰ Statistics Arrivals & Departures by year / Korea Tourism Organization. URL: <https://kto.visitkorea.or.kr/eng/tourismStatics/keyFacts/KoreaMonthlyStatistics/eng/inout/inout.kto> (дата обращения: 31.03.2019).

¹³¹ Аигина Е.В., Новикова Е.Ю. Халлю-туризм («Корейская волна») как новое направление развития туризма в Республике Корея // Вестник РМАТ. – 2017. №1. – С.144.

которых 388 были участниками обменных программ, а 3.807 студентов изучали корейский язык на специальных языковых курсах.¹³² В свою очередь, в 2012 г. эти цифры составляли 322 и 2.788 студента соответственно.¹³³ Следует обратить внимание, что Сеульский национальный университет является ведущим высшим учебным заведением Республики Корея, поэтому в условиях существующего жесткого конкурсного отбора такой казалась бы незначительный рост в цифрах на самом деле много значит. Особенно говорящим в данном случае будет изменение количества студентов, обучающихся на языковых курсах, так как халлю в первую очередь стимулирует рост интереса к изучению корейского языка. Необходимо добавить, что, когда в 1997 г. впервые проводился экзамен на знание корейского языка TOPIK, всего в нем приняло участие 2.692 человека, а в 2016 г. эта число увеличилось до 72.295 желающих из 45 стран мира.¹³⁴

Для того, чтобы наглядно продемонстрировать, посредством какого формата практической деятельности представители корейской волны способны воздействовать на зарубежную аудиторию, хотелось бы привести в качестве примера уже упомянутую выше музыкальную К-поп группу BTS, сокращенно от «Банътхан Сонёндан» («Пуленепробиваемые бойскауты»). Примечательность данного примера состоит в том, что на сегодняшний день группа является самым известным и самым прибыльным представителем своего жанра, который способен оказывать влияние практически во всех выше перечисленных сферах. Согласно данным Исследовательского института Хёндэ, общая стоимость продаж различной потребительской продукции, производимой в смежных отраслях и так или иначе связанной с BTS, на 2017 г. составила около 11 млрд. долл. США, что соответствует 1,7% от общей суммы экспорта южнокорейских потребительских товаров за 2017 г.¹³⁵ Неудивительно, что Хёндэ провели подобное исследование в целях измерить экономический эффект, оказываемый группой, так как в конце 2018 г. компания объявила о том, что участники BTS являются глобальными послами бренда, представляющими рекламную кампанию новой модели автомобиля Хёндэ кроссовера «Palisade SUV 2019». Несмотря на то, что зачастую Хёндэ стараются не привлекать к своим рекламным кампаниям звезд, которые больше всех находятся на слуху, BTS стали

¹³² Facts / Seoul National University. URL: <http://www.useoul.edu/facts> (дата обращения: 31.03.2019).

¹³³ Лачина Е.В. Цит. соч. С.148-149.

¹³⁴ 2016 TOPIK Receives Record-high Applicants / Ministry of Education, Republic of Korea. URL: <http://english.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=265&boardSeq=64523&lev=0&searchType=S&statusYN=C&page=1&s=english&m=0301&opType=N> (дата обращения: 31.03.2019).

¹³⁵ 방탄소년단(BTS)의 경제적 효과 / 현대경제연구원. - 2018. - 9 쪽 (Экономический эффект BTS / Исследовательский институт Хёндэ. - 2018. - С.9.).

исключением из правил. По словам исполнительного вице-президента Хёндэ и главы отдела по маркетингу Чо Вон Хонга, современные покупатели избегают традиционных способов рекламы и маркетинга, поэтому решением стала возможность наладить подлинную связь с клиентом посредством культуры, музыки и моды, в том числе.¹³⁶

Также по данным Исследовательского института Хёндэ, в течение 2017 г. Республику Корея посетило около 796 тыс. человек, целью которых был туризм, тем или иным образом связанный с BTS. Данное число составило 7,6% от общей суммы туристов, побывавших в Южной Корее в 2017 г.¹³⁷ Более того, участники группы являются лицами одной из туристических программ, осуществляемых Туристической организацией Сеула. Программа имеет название «Discover Seoul Pass», а ее суть заключается в том, что с помощью специальной пластиковой карты либо мобильного приложения туристы могут бесплатно посетить до 54 популярных туристических локаций города Сеула, воспользоваться 40 скидочными предложениями, а также использовать карту в качестве бесплатного единовременного билета на аэроэкспресс в один конец. В зависимости от стоимости карты на выбор предлагается три варианта, различающиеся по времени действия: 24, 48 и 72 часа. Таким образом, туристу предоставляется возможность построить свой собственный уникальный маршрут знакомства с Сеулом. У 24-х часовой карты есть специальное BTS издание, особенность которого заключается в эксклюзивных для этого издания туристических местах и скидочных предложениях. Рассчитанное на поклонников группы издание карты также включает в комплекте ограниченный набор фото открыток с участниками BTS.¹³⁸

Продвижение изучения корейского языка за рубежом можно назвать наиболее органичным результатом деятельности BTS, так как все же основным их продуктом является музыка. Многие музыкальные критики не раз отмечали особую привлекательность и сложность текстов песен группы, написанием которых занимаются сами участники. И хотя существуют вещи, которые человек может передать невербально, посредством музыки или танца, однако понимание лирики и заключенного в нем послания придает необходимую целостность и глубину всему музыкальному произведению. Поэтому многие поклонники BTS начинают самостоятельное изучение корейского языка. Более того, наиболее уверенные в своих навыках добровольно переводят различные материалы, связанные с деятельностью

¹³⁶ Kim B. Hyundai Motor goes all-out in US marketing on signs of recovery / The Korea Herald. – 2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181204000667&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 1.04.2019).

¹³⁷ 방탄소년단(BTS)의 경제적 효과 / 현대경제연구원. – 2018. – 9 쪽 (Экономический эффект BTS / Исследовательский институт Хёндэ. – 2018. – С.9.).

¹³⁸ Discover Seoul Pass BTS Edition / Discover Seoul Pass. – 2018. URL: <https://www.discoverseoulpass.com/introduce/bts> (дата обращения: 1.04.2019).

BTS, зачастую осуществляя перевод в режиме реального времени с помощью различных социальных сетей. Так, аудитория южнокорейского видеостримингового сервиса «V Live», специально разработанного в качестве платформы для прямых трансляций знаменитостей и их непосредственного общения с поклонниками с помощью встроенного чата, практически на 80% состоит из зарубежных зрителей. Работая индивидуально или в команде, поклонники BTS на добровольной основе снабжают видео группы субтитрами на своих родных языках. Несмотря на то, что сервис «V Live» изначально предлагает субтитры, поклонники в большей степени предпочитают результат работы своих коллег, зачастую оказывающийся лучше по качеству ввиду высокого уровня преданности делу. Однако несмотря на то, что любовь к популярной культуре становится сильной мотивацией к изучению корейского языка, специалисты предупреждают, что изучение любого языка – это процесс, требующий многолетней самоотдачи, поэтому источники мотивации к нему не должны ограничиваться быстро меняющейся популярной культурой. Человек должен быть заинтересован не только в современной, но и в традиционной культуре страны изучаемого языка, так как именно в ней заключаются корни его происхождения и развития. Использование лишь источников популярной культуры грозит формированием искаженного восприятия целостной картины страны, так как поп-культура, в первую очередь, является продуктом ориентированного на покупателя рынка.¹³⁹

И наконец, хотелось бы привести пример того, как деятельность представителя халлю является однозначно выраженным проявлением публичной дипломатии Республики Корея. 24 сентября 2018 г. BTS была предоставлена честь произнести речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, проводимом в рамках Саммита мира в память о Нельсоне Манделе. Лидер группы, Ким Нам Джун, выступил с шестиминутным обращением к молодежи всего мира с целью призвать молодых людей любить себя и не бояться высказывать свое мнение, что в итоге торжественным образом обозначило запуск новой молодежной инициативы ООН «Поколение без границ» - программы, направленной на преодоление глобального кризиса в области образования и достижения большей доступности образования для молодежи.¹⁴⁰ BTS стали первой в истории южнокорейской группой, которая выступила с речью на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Очевидно,

¹³⁹ Kim A. Fan translators break through K-pop's language barrier / The Korea Herald. – 2019. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190328000797&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 1.04.2019).

¹⁴⁰ Мировые лидеры объединяются в рамках новой инициативы по обеспечению качественного образования и профессиональной подготовки для молодежи / ЮНИСЕФ. – 2018. URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/мировые-лидеры-объединяются-в-рамках-новой-инициативы-по-обеспечению-качественного> (дата обращения: 1.04.2019).

что выбор, павший на группу, был совершенно не случайным. На наш взгляд, правительство Республики Корея рассчитывало таким образом продемонстрировать всему миру, что государство обладает крайне важным на сегодняшний день ресурсом – политически активной молодежью, на плечи которой ложится ответственность за будущее страны, в том числе, в качестве активного члена процесса формирования международной повестки дня. Естественно, что наилучшим кандидатом на эту роль будут те, за кем уже существует история подобной активности. BTS известны тем, что часто поднимали в текстах своих песен острые социально-политические проблемы корейского общества. Более того, в ноябре 2017 г. группа в сотрудничестве с ЮНИСЕФ запустила двухлетнюю кампанию по пожертвованиям против насилия «Love Yourself», призванную содействовать глобальной кампании ЮНИСЕФ «#ENDviolence».¹⁴¹ Таким образом, это можно назвать наиболее безусловным проявлением потенциала халлю в качестве движущей силы публичной дипломатии Республики Корея.

Тем не менее, несмотря на все выше перечисленное, феномен корейской волны обладает рядом недостатков, за что часто подвергается критике. В первую очередь, в некоторых странах, находящихся по соседству с Республикой Корея, нередко вспыхивали протестные акции против корейской волны, обусловленные несколькими факторами: во-первых, обширный поток корейского культурного продукта на рынки этих стран вызывает негативную реакцию у местных производителей, которые в значительной степени теряют свою конкурентоспособность, и в итоге ситуация приобретает черты «южнокорейского культурного империализма». Во-вторых, в рамках концепции публичной дипломатии предполагается, что между странами устанавливается взаимная связь, возможность ведения двустороннего диалога, однако в случае с халлю зачастую наблюдается лишь одностороннее навязывание своего продукта без попыток ознакомиться с тем, что может предложить партнер по диалогу. В итоге становится невозможным достигнуть более глубокого и объективного уровня взаимопонимания. В-третьих, нередко причиной негативного отношения к халлю становится обострение отношений между странами, причем на почве либо современных событий, либо все еще существующих исторических разногласий. В таком случае акции, направленные против корейской волны, воспринимаются как сигнал, что что-то в отношениях между государствами не так.¹⁴²

¹⁴¹ Yim H. BTS' motivational UN speech transcends race and gender identity / The Korea Herald. – 2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180925000087&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 1.04.2019).

¹⁴² Kim H. When public diplomacy faces trade barriers and diplomatic frictions: the case of the Korean Wave // Place Branding and Public Diplomacy. – 2018. Vol.14. №4. – P. 242.

Помимо существующих «анти-халлю» настроений другим недостатком корейской волны является то, что порой правительство Республики Корея начинает играть все более заметную роль в развитии и продвижении халлю, что придает ей ощущение чего-то чересчур спланированного и неискреннего, неизменно ведущего к лишению интереса и доверия со стороны зарубежной аудитории. И наконец, факт того, что халлю по сути своей не является продуктом исключительно корейским, а скорее, результатом адаптации западной культуры на южнокорейский манер, можно считать, как и ее недостатком, отсутствием аутентичности, так и ее преимуществом – способностью создавать и успешно продвигать универсальные культурные продукты.¹⁴³ Универсальность – ключ к популярности.

Таким образом, в данной главе мы выяснили, что публичная дипломатия Республики Корея имеет довольно длительную историю эволюции, в ходе которой она претерпевала различные изменения, происходившие под действием как внутренних, так и внешних факторов. Наиболее существенное влияние на развитие публичной дипломатии оказало желание правительства повысить статус государства на международной арене, что впоследствии привело к принятию решения позиционировать страну в качестве «средней державы» - регионального и глобального медиатора в международных отношениях. Следуя заданному курсу, концепция публичной дипломатии была взята на вооружение в качестве одного из основных инструментов построения внешней политики государства – неотъемлемого атрибута «средней державы». В свою очередь следует отметить, что на данный момент публичная дипломатия используется Кореей не как инструментом своей деятельности в качестве «средней державы», а скорее, как способом построения этого самого образа «средней державы». Тем не менее благодаря обширным ресурсам «мягкой силы» структура механизмов осуществления публичной дипломатии корейского государства достаточно разнообразна. Центральным учреждением, занимающимся координацией деятельности всех остальных связанных с публичной дипломатией ведомств и организаций, а также выработкой ее государственной концепции, является Министерство иностранных дел. Стержнем же публичной дипломатии Республики Корея является культура, трансляция которой в значительной степени осуществляется посредством феномена корейской волны. Теперь, в рамках данной исследовательской работы интерес представляют особенности корейской публичной дипломатии в Тихоокеанском регионе.

¹⁴³ Jang G., Paik W.K. Op. cit. Pp. 199-201.

Глава 3. Характерные особенности публичной дипломатии Республики Корея в Тихоокеанском регионе

3.1. Северо-Восточная Азия: политика «халлю» и антихаллю

Публичная дипломатия Республики Корея имеет достаточно комплексный характер, в чем мы убедились во второй главе данной исследовательской работы, изучив различные механизмы и методы ее осуществления. Если воспринимать публичную дипломатию в качестве внешнеполитического инструмента, в первую очередь используемого государством, то очевидно, что все составляющие ее элементы работают как единое целое и функционируют в фарватере национальных интересов страны. Однако, вновь исходя из мысли, что публичная дипломатия – инструмент построения внешней политики, способствующий развитию и укреплению отношений с зарубежными государствами, в зависимости от географического направления ее реализации тот или иной элемент способен превалировать. Более того, публичная дипломатия в целом подвергается процессу глокализации, то есть ее элементы адаптируются к экономическим, социальным или культурным особенностям страны-объекта публичной дипломатии. Можно предположить, что таким образом осуществляется попытка достигнуть наибольшей эффективности публичной дипломатии, так как практически повышается уровень привлекательности ее итогового «продукта» для зарубежной аудитории. На наш взгляд, процесс глокализации стоит рассматривать как часть одной из пяти составляющих методик осуществления публичной дипломатии, предложенных Николасом Дж. Каллом, а именно методики «прислушивания», в соответствии с которой курс публичной дипломатии корректируется согласно собранной информации о зарубежном обществе и его мнении по тому или иному вопросу¹⁴⁴. Данные факторы можно обозначить в качестве решающих в процессе того, как формируются характерные особенности публичной дипломатии в зависимости от ее географической направленности, в нашем случае особенности публичной дипломатии Республики Корея в Тихоокеанском регионе.

Северо-Восточная Азия – субрегион Тихоокеанского региона, представленный в данной исследовательской работе Японией, Китайской Народной Республикой и Корейской Народно-Демократической Республикой, занимает достаточно значительное место в системе публичной дипломатии Республики Корея, что прежде всего обусловлено

¹⁴⁴ Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – P. 32.

непосредственной принадлежностью Южной Кореи к данному субрегиону. Географическая близость государств является источником возникновения широко круга областей взаимосвязи, взаимовлияния и взаимозависимости, в том числе общих исторических и культурных аспектов развития. В большей степени именно эти обстоятельства послужили причиной того, что страны Северо-Восточной Азии, в особенности Китай и Япония, подверглись гораздо раннему и по определенным меркам существенному влиянию основного культурного элемента публичной дипломатии Республики Корея – халлю – по сравнению с другими регионами мира. Осуществление южнокорейской публичной дипломатии в Северо-Восточной Азии, как и в любом другом направлении, не ограничивается исключительно одним ее элементом, но в случае с данным субрегионом продвижение халлю в его странах и ответная на это реакция – характерная для него особенность.

Как уже было обозначено ранее, телесериалы стали тем самым первым продуктом корейской волны, который смог обратить на себя значительное внимание и добиться определенного успеха у зарубежной аудитории, таким образом дав старт активному продвижению халлю. Высокий уровень популярности южнокорейских телесериалов был обусловлен содержанием в повествовании привлекательных для азиатских зрителей нравственных ценностей, а также схожих культурных черт, в том числе принципов конфуцианства. Даже несмотря на то, что сравнительно большая доля экспортируемых из Республики Корея телесериалов имела современный, а не традиционный характер, очень схожий с западными шоу, аудитория из соседних государств предпочитала южнокорейский культурный продукт вместо того же американского. В данном случае в качестве причины выступал идеологический аспект, заключающийся в своеобразном отношении к западным странам, которое было вызвано империалистическими и постколониальными страницами истории государств Тихоокеанского региона.¹⁴⁵ Более того, некоторым странам было выгоднее импортировать южнокорейские телесериалы, чем вкладывать средства в производство своих собственных. Так, например, поступали коммерческие сети теле- и радиовещания Японии, переживающие тяжелые последствия периода «потерянного десятилетия» - застоя в экономике после коллапса финансового пузыря в 1991 г.¹⁴⁶

¹⁴⁵ Yoon S. Cultural Identity and Korean Historical Television Dramas / S. Yoon // The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound / ed.: V. Marinescu. – London: Lexington Books, 2014. – P. 11.

¹⁴⁶ Oh S. Hallyu (Korean Wave) as Korea's Cultural Public Diplomacy in China and Japan / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – P. 177.

Тем не менее исключительный интерес представляют телесериалы исторического жанра и их восприятие зрителями в Китае и Японии, так как на примере подобных сериалов существует возможность особенно четко проследить, каким образом халлю способна проявлять себя в качестве одного из элементов публичной дипломатии Республики Корея. Профессор медиакоммуникаций и директор Центра коммуникационных исследований в университете Ханянг (Республика Корея), Юн Сонни, провела исследование, в ходе которого были получены результаты интервью с поклонниками южнокорейских исторических сериалов: опрошенные поклонники сериала «Дэчанъгым» («Жемчужина Дворца») являлись гражданами Китая, в то время как поклонников сериала «Чосок Ёхёнъса Тамо» («Тайна блестящего камня») представляли граждане Японии. Согласно полученным данным, после просмотра телесериала японские зрители заинтересовались изучением корейской истории ввиду того, что те исторические события, происходящие в сериале и имеющие отношение к истории Японии, были отображены сквозь призму южнокорейского взгляда на данные события. В свою очередь, для телезрителей из Китая исторический компонент сериала послужил источником информации о своем собственном прошлом, так как они смогли проследить и выявить в корейской культуре влияние китайских традиций, к сожалению, во многом утерянных во время культурной революции.¹⁴⁷ Таким образом, посредством исторических телесериалов были выполнены несколько задач публичной дипломатии, в том числе, способствование заинтересованности зарубежной аудитории в более близком знакомстве со страной-субъектом публичной дипломатии, а также достижение более глубокого взаимопонимания на основе схожих культурно-нравственных ценностей.

Несмотря на общий положительный эффект корейской волны, ее растущая популярность в определенный момент времени вызвала обеспокоенность внутри правительственных кругов Китая и Японии, а также возникновение «анти-халлю» настроений среди некоторых частей общества данных государств. В случае с Китаем наиболее широкое распространение на различных информационных платформах получило следующее объяснение создавшейся ситуации: Китай стремился сохранить и защитить традиции и национальные особенности своей культуры перед лицом угрозы «южнокорейской культурной экспансии», завоевывающей все больший уровень поддержки со стороны китайского общества. Однако истинная причина лежала в экономической

¹⁴⁷ Yoon S. Op. cit. P. 12-15.

плоскости возникшей проблемы: доминирование корейского культурного продукта на китайском рынке создавало определенный дисбаланс в плане культурного обмена между государствами, а также не позволяло китайской культурной индустрии выйти на более высокий уровень развития.¹⁴⁸ В итоге с середины 2000-х гг. правительство Китая приняло ряд таких протекционистских мер, как выделение определенных квот на трансляцию зарубежных телевизионных программ, включая их полный запрет в период вечернего прайм-тайма с семи до десяти часов.¹⁴⁹ Более того, китайские вещательные компании и студии по производству телесериалов начали выкупать права на возможность выпуска ремейков наиболее популярных южнокорейских сериалов. Таким образом им удавалось избежать необходимости импорта корейского культурного продукта, а также появлялась возможность оказать поддержку в развитии местной культурной индустрии посредством привлечения китайских актеров и производственных групп.¹⁵⁰

Японский вариант проявления «анти-халлю» настроений принял форму общественных движений и гражданских инициатив, деятельность которых проходила под руководством «телесетевых правых», распространявших свое влияние в основном посредством различных онлайн медиа-платформ. В качестве основных характеристик, присущих представителям «телесетевых правых», можно выделить следующие: активная анонимная онлайн-деятельность; приведение аргументов консервативного либо националистического толка; нередкое проявление признаков расизма или шовинизма; склонность к ненависти по отношению к Южной Корее и Китаю. Однако после 2010 г., когда корейские культурные продукты достигли очередного пика своей популярности, деятельность «телесетевых правых» переместилась из онлайн-пространства на улицы Токио в виде протестных акций, призывающих японское общество обратить внимание на существующую проблему «корейской культурной экспансии».¹⁵¹ Так, в 2011 г. были проведены четыре широкомасштабные протестные акции перед зданием японской телевизионной сети «Fuji TV», получившие освещение в различных блогах, видеороликах на YouTube¹⁵². Также следует отметить публикацию в 2005 г. японского комикса («манги»)

¹⁴⁸ Oh S. Hallyu (Korean Wave) as Korea's Cultural Public Diplomacy in China and Japan / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – P. 179.

¹⁴⁹¹⁴⁹ Kim J., Lee J. Korean Pop Culture: A Decade of Ups and Downs // International Journal of Multimedia and Ubiquitous Engineering. – 2014. Vol.9. №3. – P. 132.

¹⁵⁰ Kim H. When public diplomacy faces trade barriers and diplomatic frictions: the case of the Korean Wave // Place Branding and Public Diplomacy. – 2018. Vol.14. №4. – P. 238.

¹⁵¹ Oh S. Op. cit. P. 181.

¹⁵² Schilling M. Japanese rally against Fuji TV / Variety. – 2011. URL: <https://variety.com/2011/tv/news/japanese-rally-against-fuji-tv-1118041653/> (дата обращения: 25.04.2019).

под названием «Ненавижу халлю», сюжет которого содержал критику различных аспектов отношений между Республикой Корея и Японией, а также осуждение японских СМИ за чрезмерное освещение роста уровня популярности корейской поп-культуры. Первые два выпуска комикса разошлись тиражом в 650 тысяч копий, таким образом обозначив не только коммерческий успех издания, но и действительно существующий в части японского общества анти-корейский настрой.¹⁵³

Однако наиболее сильный урон по продвижению халлю, а значит и по осуществлению публичной дипломатии Республики Корея, нанесли случаи обострения отношений между государствами. В августе 2012 г. действующий на тот момент президент Республики Корея Ли Мён Бак посетил остров Токто – территорию, суверенитет над которой до сих пор оспаривается Японией и Южной Кореей. Практически сразу после визита последовал рост напряженности в двусторонних отношениях между государствами, отмеченный временным отзывом посла из японского дипломатического представительства в Южной Корее. Более того, 15 августа, в день поражения Японии во Второй мировой войне, Ли Мён Бак потребовал от императора Японии извинений за колониальное прошлое страны, а также признания ответственности государства за насилие солдат императорской армии над женщинами из Кореи.¹⁵⁴ Японское правительство отвергло предъявленные требования, а подогреваемая историческими разногласиями японская общественность совершила несколько протестных шествий по центру Токио, направленных против проживающего в Японии корейского населения и корейской волны. Последствия разгоревшегося конфликта крайне негативно отразились на состоянии халлю в Японии: уровень экспорта культурного продукта корейской волны показывал стабильный рост в период с 2007 по 2013 гг., однако уже в 2014 г. некоторые элементы данного показателя упали практически в два раза, в том числе объем прибыли от транслируемых в Японии южнокорейских телесериалов сократился с 138 млн. долл. до 79 млн. долл.¹⁵⁵

В свою очередь обострение отношений с Китаем проходило на фоне принятия 8 июля 2016 г. решения о размещении комплекса ТНААД на юге Корейского полуострова, согласованного между Сеулом и Вашингтоном.¹⁵⁶ Предполагалось, что данная система

¹⁵³ Sakamoto R., Allen M. «Hating 'The Korean Wave'» Comic Books: A sign of New Nationalism in Japan? // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2007. Vol.5. №10. – P. 4.

¹⁵⁴ Япония и Южная Корея: конфликт набирает обороты / Euronews. – 2012. URL: <https://ru.euronews.com/2012/08/15/anniversary-tensions-mount-between-japan-and-south-korea> (дата обращения: 25.04.2019).

¹⁵⁵ Kim H. Op. cit. P. 239.

¹⁵⁶ США готовы обеспечить защиту Южной Кореи от ядерного оружия / ТАСС. – 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3718636> (дата обращения: 25.04.2019).

противоракетной обороны будет выступать в качестве средства защиты от возможной атаки КНДР, однако обусловленная ее техническими характеристиками возможность также вычислять любую ракетную деятельность на территории Китая была воспринята как угроза стратегической безопасности китайского государства. По прошествии нескольких недель после принятия решения правительство Китая отменило проведение некоторых мероприятий южнокорейской культурной индустрии, в том числе встречи поклонников с популярными актерами и музыкантами, а также крупные концерты К-поп музыки. Более того, артисты сами не могли попасть в Китай для участия в концертной программе, так как им было отказано в выдаче виз. Через некоторое время китайские СМИ, получающие спонсорскую поддержку из государственного бюджета, опубликовали несколько статей, в которых утверждалось, что успех корейской волны в Китае был вызван наличием крепких дружественных связей между государствами. Однако теперь, когда эти связи нарушены, халлю неизбежно исчезнет из Китая, если Республика Корея продолжит свою деятельность по развёртыванию ТНААД на своей территории.¹⁵⁷

Таким образом, довольно очевидным является факт того, что неоспоримый успех корейской волны в Китае и Японии, а также ее положительный эффект, оказываемый на восприятие Республики Корея в обществе этих стран, не обладают достаточным уровнем устойчивости в условиях возникновения ситуаций напряженности в отношениях между государствами. Осуществление публичной дипломатии Республики Корея в странах Северо-Восточной Азии глубоко подвержено негативному влиянию неразрешенных конфликтов исторического прошлого, состояние которых нередко обостряется в случаях провала политического и дипломатического диалога на государственном уровне. Тем не менее халлю по-прежнему остается наиболее весомым элементом южнокорейской публичной дипломатии, так как правительство без каких-либо колебаний обращается за его помощью даже в отношениях со своим самым сложным соседом – Корейской Народно-Демократической Республикой. Так, 1 апреля 2018 г. в Пхеньян, столицу Северной Кореи, прибыла южнокорейская делегация в составе музыкантов, спортсменов и журналистов, среди которых также была популярная женская группа Red Velvet. Лидер северокорейского государства Ким Чен Ын посетил вместе со своей женой концерт, организация которого осуществлялась посредством сотрудничества обеих стран. Проведение данного мероприятия было ответом на культурный визит северокорейской делегации в феврале того

¹⁵⁷ Kim H. Op. cit. P. 240.

же года. Оба государства рассматривали практику подобного обмена в качестве усилий по созданию благоприятной атмосферы в преддверии намеченного на 27 апреля 2018 г. саммита Ким Чен Ына и Мун Чжэ Ина в демилитаризованной зоне Пханмунджом.¹⁵⁸ Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что именно халлю играет центральную роль в осуществлении публичной дипломатии Республики Корея в Северо-Восточной Азии.

3.2. Юго-Восточная Азия: дипломатия «средней державы»

Юго-Восточная Азия также является субрегионом Тихоокеанского региона и представлена в данной исследовательской работе Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в состав которой входят десять следующих стран: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Диалог, существующий на сегодняшний день между Республикой Корея и АСЕАН, имеет долгую историю – в 2019 г. стороны отметят 30-летие с момента установления отношений.¹⁵⁹ За это время партнерство между южнокорейским государством и Ассоциацией приобрело стратегический характер, повсеместно развиваясь в политической, экономической и социокультурной областях.

Так, АСЕАН и Республика Корея являются активными участниками ряда важных региональных механизмов международного сотрудничества: Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатский саммит, «АСЕАН плюс три». В свою очередь, по данным за 2017 г. АСЕАН заняла вторую позицию среди торговых партнеров Республики Корея с общим торговым оборотом в размере 149 млрд. долл., а также третью позицию среди инвестиционных партнеров с суммой всех прямых иностранных инвестиций в период с 2008 по 2017 гг. в размере 42 млрд. долл.¹⁶⁰ К тому же, АСЕАН остается преимущественным направлением деятельности Республики Корея в рамках официальной помощи в целях развития. Ввиду всех вышеперечисленных факторов неудивительно, что практически через две недели с момента своего вступления на пост президента Мун Чжэ Ин заявил о необходимости вывода сотрудничества южнокорейского государства с АСЕАН на уровень, существующий в отношениях с четырьмя ведущими региональными державами

¹⁵⁸ South Korean K-pop stars perform for Kim Jong-un in Pyongyang / The Guardian. – 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/01/south-korean-k-pop-stars-perform-for-kim-jong-un-in-pyongyang> (дата обращения: 25.04.2019).

¹⁵⁹ Саммит АСЕАН - Корея пройдет в 2019 году в Сеуле / ТАСС. – 2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5790635> (дата обращения: 26.04.2019).

¹⁶⁰ ASEAN-Korea Relations / ASEAN-Korea Centre. URL: https://www.aseankorea.org/eng/ASEAN/ak_overview.asp (дата обращения: 26.04.2019).

– США, Китаем, Японией и Россией. Для достижения этой цели Ким Ёнь Сон, Генеральный секретарь межправительственной организации «Центр АСЕАН-Корея», предложил идею политики «Взгляд на юг». Согласно данной политике южнокорейское государство должно формировать свою дальнейшую стратегию развития отношений с АСЕАН в соответствии с шестью основополагающими принципами, среди которых дипломатия «средней державы» находится на первом месте.¹⁶¹ Таким образом, характерной особенностью осуществления публичной дипломатии Республики Корея в Юго-Восточной Азии является реализация ее программ с целью своего позиционирования по отношению к странам АСЕАН в качестве «средней державы», к ключевым атрибутам которой и относят публичную дипломатию в целом.

Южнокорейский вариант дипломатии «средней державы» основывается на риторике исполнения государством «роли моста между развивающимися и развитыми странами» посредством передачи Республикой Корея «своего уникального опыта развития».¹⁶² В рамках публичной дипломатии данная риторика находит свое отражение в экономическом и образовательном элементах. С 2010 г. Южная Корея входит в состав Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития, и практически каждый год уровень оказываемой государством официальной помощи в целях развития (ОПР) неуклонно растет, хотя по-прежнему остается ниже среднего показателя среди остальных членов Комитета.¹⁶³ Тем не менее благодаря поддержке Республики Корея, осуществляемой посредством Корейского агентства международного сотрудничества, многие страны АСЕАН получают ресурсы, необходимые для реализации различных проектов.

К примеру, южнокорейское правительство приняло участие в проекте Вьетнама по модернизации автомагистрали, идущей из портового города Хайфон до столицы Вьетнама в Ханое. Хайфон представляет собой индустриальный центр Вьетнама, связующий государство и страны АСЕАН с такими ведущими экономиками мира, как Россия, Китай и Франция. Более того, город является крупнейшим портом Вьетнама по объемам обрабатываемых грузов, составляющим около 10-20% от всех грузоперевозок в стране.

¹⁶¹ Kim Y. Korea's 'Look South Policy' / The Korea Herald. – 2017. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=%2020170830000895> (дата обращения: 26.04.2019).

¹⁶² Ayhan K. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project // Korea Observer. – 2019. Vol. 50. №1. – P. 9.

¹⁶³ Morin-Gelinas S. South Korean Public Diplomacy via Development Cooperation: The cases of bridge diplomacy at the International Development Agenda and the Knowledge Sharing Programme / S. Morin-Gelinas // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – P. 154.

Однако несмотря на растущий уровень загруженности порта, существующая на момент согласования проекта дорожная инфраструктура не справлялась с объемами транспортных перевозок. Правительство Вьетнама выступило с предложением кредитного проекта к Республике Корея, в соответствии с которым было необходимо провести модернизацию двух автомагистралей общей протяженностью в 18.4 км. Рассмотрев поступившее предложение, южнокорейское правительство выделило 200 млн. долл. для реализации данного проекта, таким образом оказывая содействие Вьетнаму по преодолению препятствий на пути экономического развития государства. Реализация проекта завершилась к декабрю 2015 г., и если раньше путь от Хайфона до Ханоя занимал около двух часов, то теперь это же расстояние возможно преодолеть менее чем за час. В итоге Республика Корея смогла продемонстрировать свой высокий технический потенциал в области строительства дорог и автомагистралей, а также получить возможность для южнокорейских компаний принимать участие в будущих тендерах на дорожные проекты во Вьетнаме.¹⁶⁴

Следует отметить, что в случае участия южнокорейского государства в сотрудничестве в целях развития в рамках осуществления публичной дипломатии в качестве приоритетной задачи выступает создание сети партнерских связей с развивающимися странами, для которых Республика Корея и ее опыт могут послужить достойным примером. Более того, Южная Корея стремится расширить существующий международный дискурс относительно процесса государственного развития, таким образом предпринимая попытку заявить о себе как о лидере в данной области и предлагая альтернативную Западу модель.¹⁶⁵

Помимо программ, реализуемых по линии публичной дипломатии в экономической области, Республика Корея также ведет активную работу в сфере образования. При этом осуществление какой-либо деятельности в данном направлении ведется как на территории стран АСЕАН, так и на территории Южной Кореи. В первом случае, южнокорейское правительство оказывает содействие в обеспечении средним и высшим уровнями профессионального образования населения стран АСЕАН по наиболее востребованным специальностям, способствующим их социальному и экономическому развитию. Подобным образом в 2005 г. был основан Национальный политехнический

¹⁶⁴ Korea's ODA White Paper 2017 / The Committee for International Development Cooperation. – Seoul, 2017. – P. 76.

¹⁶⁵ Morin-Gelinas S. Op. cit. P. 154.

институт Камбоджи, на строительство которого Республика Корея выделила Министерству труда и профессионально-технического образования Камбоджи 27 млн. долл.¹⁶⁶ На момент основания институт был готов принять студентов в общем количестве 1380 человек и предложить им обучение на двухгодичных программах на пяти кафедрах: машиностроение, электроэнергетика, информационные технологии и электроника, строительство, а также туризм. Преподавание на кафедрах осуществляют как камбоджийские преподаватели, так и специалисты из Республики Корея. По результатам проведенной в 2011 г. оценки фактической эффективности института 87% выпускников смогли успешно трудоустроиться, при этом 85% из них были полностью удовлетворены качеством образования, полученного ими в данном учреждении. Также было зафиксировано, что с момента основания института его операционный бюджет показал ежегодный прирост в размере 10%.¹⁶⁷ На сегодняшний день Национальный политехнический институт Камбоджи является показательным примером высокоэффективного учреждения среднего профессионального образования, обеспечивающим страну высококвалифицированными кадрами, которые способны отвечать требованиям промышленности развивающего государства.

В свою очередь, Республика Корея также предоставляет возможность наиболее выдающимся студентам и специалистам из высших образовательных учреждений стран АСЕАН участвовать в программах студенческого обмена, при этом особый упор делается на направления, связанные с корееведением. Предполагается, что получившие образование на территории южнокорейского государства студенты из зарубежных стран вернутся к себе на родину, чтобы вести преподавательскую деятельность по вопросам, связанным с Республикой Корея. Существует вероятность того, что таким образом можно наладить крепкие, долгосрочные межнациональные связи, построенные на глубоком взаимном понимании. По состоянию на 2016 г. на территории Республики Корея обучалось 12 579 студентов из стран АСЕАН, при этом самое большое количество – 7 459 – прибыло из Вьетнама, а самое малое – 85 – из Брунея.¹⁶⁸ Основными институтами, осуществляющими реализацию подобных обменных программ, являются: Корейский Фонд, Национальный институт развития международного образования и Центр АСЕАН-Корея.

¹⁶⁶ About / National Polytechnic Institute of Cambodia. URL: <http://npic.edu.kh/about/> (дата обращения: 26.04.2019).

¹⁶⁷ Korea's ODA White Paper 2017 / The Committee for International Development Cooperation. – Seoul, 2017. – P. 77.

¹⁶⁸ Anantasirikiat S. "Partnering for Tomorrow": Conceptualizing South Korea's Public Diplomacy Approach toward ASEAN / S. Anantasirikiat // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – P. 231.

Таким образом, осуществление публичной дипломатии Республики Корея в Юго-Восточной Азии прежде всего строится на стремлении государства формировать и поддерживать имидж «средней державы», создающей мост между развитыми и развивающимися государствами. Поэтому особое внимание в данном регионе уделяется деятельности по оказанию помощи в целях развития и обмену знаниями, соответствующим экономическому и социальному элементам публичной дипломатии. Однако, как заметил один из участников программы студенческого обмена из стран АСЕАН, принимая во внимание тот факт, что Республика Корея действительно обладает таким ценнейшим опытом, как подарившая жизнь «Чуду на реке Хан» политика экономического развития, успех продвижения южнокорейской культуры по всему миру и достижения в области инновационных технологий, необходимо помнить о следующем. Существует большая разница между передачей данного опыта и его навязыванием странам АСЕАН: та действительность, в которой находятся государства Ассоциации, отличается от того, что было в Южной Корее, поэтому самым рациональным вариантом действий должно быть сотрудничество с целью совместного нахождения решений проблем, возникающих при адаптации южнокорейского опыта.¹⁶⁹

Хотелось бы также добавить, что на настоящий момент наблюдается тенденция смены направления основного движения халлю из Японии и Китая в страны АСЕАН, обусловленная растущими анти-корейскими настроениями в японском обществе и недавними китайскими ограничениями южнокорейского культурного продукта. К тому же, увеличивающийся за счет экономического развития потенциал рынка культурной индустрии стран АСЕАН также является весомым фактором.¹⁷⁰ Возможно, что в недалеком будущем следует рассчитывать если не на смену, то хотя бы легкие изменения в акцентах осуществления публичной дипломатии Республики Корея в Юго-Восточной Азии.

3.3. «Великие державы» - Россия и США в системе публичной дипломатии Республики Корея

Россия и Соединенные Штаты Америки – оба этих государства имеют, возможно, не совсем сопоставимый, однако действительно существенный вес, когда дело касается международных отношений. Характер их взаимоотношений с другими зарубежными

¹⁶⁹ Anantasirikiat S. Making Friends with ASEAN Countries through Korea Foundation's Educational Programs / S. Anantasirikiat // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – P. 214.

¹⁷⁰ Kim J. China's ban shifting hallyu to Southeast Asia / The Korea Times. – 2017. URL: <http://www.koreatimes.co.kr/www2/index.asp> (дата обращения: 26.04.2019).

странами или исключительно между собой, причем как внутри, так и вне Тихоокеанского региона, способен определять наиболее важные внешнеполитические тенденции. Принимая во внимание данный факт, Республика Корея крайне серьезно подходит к вопросу о поддержании и развитии своих связей с обеими «великими державами», в том числе посредством публичной дипломатии. Однако в процессе ее реализации Южная Корея сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, несмотря на несомненный успех халлю по всему миру, она не способна оказывать столь же сильное и долгосрочное влияние на аудиторию США и России, потому что прежде всего является продуктом популярной, а значит и недолговечной культуры. Более того, практически полное отсутствие каких-либо общих национальных черт или ценностей значительно осложняет процесс привлечения внимания зарубежной аудитории к традиционной культуре Республики Корея. В итоге публичная дипломатия не имеет возможности использовать потенциал своего культурного элемента в полном объеме, что приводит к нереальности достижения по-настоящему глубокого понимания между сторонами. Во-вторых, уровни государственного развития США и России предполагают, что они должны находиться на противоположной от развивающихся стран стороне «моста», в качестве которого выступает Южная Корея в соответствии со своим имиджем «средней державы». Таким образом, осуществляемая в рамках публичной дипломатии деятельность южнокорейского государства в данной роли по большей степени будет направлена в сторону этих самых развивающихся стран, оставляя США и Россию в ожидании результатов. Но несмотря на вышеперечисленное, суммарная эффективность экономического, социального и культурного элементов публичной дипломатии Республики Корея в отношении США и России достаточно высока. Однако ее особенность заключается в другом: в обеих странах южнокорейское государство обладает уникальным ресурсом публичной дипломатии, который может выступать как в качестве ее объекта, так и субъекта – корейская диаспора.

В рамках данной исследовательской работы под диаспорой понимается «категория групп людей и их потомков, изначально принадлежавших к одному народу, но ввиду определенных обстоятельств рассредоточившаяся среди другого». ¹⁷¹ Крайне важной чертой диаспор является то, что они могут сохранять чувство привязанности одновременно и к стране исхода, и к стране пребывания, что в конечном счете может служить связующим

¹⁷¹ Trent D.L. American Diaspora Diplomacy: U.S. Foreign Policy and Lebanese Americans / Discussion Paper in Diplomacy. – Hague: Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’, 2012. - №125. – pp. 7-8.

звеном между двумя государствами. В рамках традиционной публичной дипломатии, где наиболее существенным актором в плане ее реализации было государство, диаспора рассматривалась в качестве объекта публичной дипломатии, поэтому диаспоральная политика заключалась в помощи мигрантам в поиске их семьи в стране исхода, что в итоге приводило к достижению только краткосрочных результатов. Однако в соответствии с новой, коммуникативной формой публичной дипломатии, была признана эффективность неправительственных акторов, способных взаимодействовать с зарубежной аудиторией на уровнях, не доступных государству. Таким образом, диаспора из исключительно объекта публичной дипломатии трансформировалась в ее субъект.¹⁷² Рассматривая диаспору в качестве неправительственного актора международных отношений, следует учитывать то, что диаспоры знают местную культуру страны пребывания, а также имеют разветвленную сеть социальных контактов как с рядовыми гражданами, так и со значимыми представителями своей диаспоры в зарубежных странах, поэтому совокупность диаспоральных групп одного народа способна оказывать влияние на другие государства и международные институты во благо своей страны исхода.¹⁷³

По результатам переписи населения 2017 г. на территории США проживает около 1,9 млн. этнических корейцев – американцев корейского происхождения. Историю корейской диаспоры на территории США можно условно разделить на 4 периода: 1860-1910 гг., последние годы правления династии Чосон; 1910-1945 гг., время под колониальным правлением Японии; 1945-1962 гг., освобождение Кореи и формулирование правительством первой миграционной политики, позволяющей уехать в США и Канаду; 1962 г. - настоящее время.¹⁷⁴ Одним из наиболее существенных последствий третьего периода, во время которого произошла Корейская война 1950-1953 гг., стало массовое усыновление корейских детей – жертв войны, оставшихся без родителей. Среди всех штатов Миннесота оказалась местом с наибольшим количеством приемных корейских детей, и именно там в 1997 г. был опубликован первый номер некоммерческой газеты «Корейский ежеквартальный».

Авторами инициативы выпуска газеты выступили молодая пара американцев, усыновившая двух корейских детей в начале 1990-х гг. Молодые родители рано осознали

¹⁷² Oh S. Non-state Actors Case Study: Korean Quarterly, the Voice of Korean Adoptees in U.S. / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – P. 216.

¹⁷³ Hernandez E. Annyeonghaseyo to the Digital Sphere: The Online Public Diplomacy of the Korean Diaspora in the US / E. Hernandez // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – pp. 197-198.

¹⁷⁴ Hernandez E. Op. cit. P. 200.

потребность своих детей в формировании смешанной корейско-американской идентичности, поэтому газета стала некой платформой для приемных детей корейского происхождения, желающих поделиться своим уникальным мнением относительно волнующих их вопросов, в том числе: о жизни корейских мигрантов в США, об отношениях между США и Северной Кореей, о межкорейских отношениях. Со временем к написанию колонок в газете присоединились представители первого и второго поколения корейских иммигрантов, благодаря чему издание приобрело особый гибридный характер, не имеющий четкой грани между американской и корейской культурами.¹⁷⁵ С 2001 г. газета сотрудничает с несколькими организациями, занимающимися вопросами приемных корейских детей из Норвегии, Дании и Швеции – стран со вторым по величине суммарным количеством усыновленных корейских детей.¹⁷⁶ Посредством участия в различных международных конференциях издание расширило свой круг каналов связи с целью продвижения интересов приемных корейских детей по всему миру. Правительство Республики Корея оказывало грантовую помощь газете, выделяя финансы на поддержание издательской деятельности.¹⁷⁷ Так, уже на протяжении более двадцати лет газета «Корейский ежеквартальный» является платформой, которая отображает существующие реалии корейско-американского общества и приемных корейских детей, транслирует мнение определенной диаспоральной группы относительно внешне- и внутривосточных дел Республики Корея, а также способствует формированию альтернативного взгляда на вещи у простых американских граждан.

В свою очередь, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Российской Федерации проживает 153 тыс. этнических корейцев – «Корё-сарам» (дословно, «корейский народ»). Самые крупные диаспоральные группы располагаются в Приморье, Хабаровске и на Сахалине, и при этом следует отметить, что большая часть приморских корейцев имеет северокорейские корни, а сахалинские – южнокорейские.¹⁷⁸ В качестве примера реализации публичной дипломатии Республики Корея с участием корейской диаспоры, проживающей на территории России, следует привести проект «Карандаши». В 2015 г. тринадцать студентов из Университета Корё, Республика Корея, инициировали проект по переводу шести народных корейских сказок на

¹⁷⁵ Oh S. Non-state Actors Case Study: Korean Quarterly, the Voice of Korean Adoptees in U.S. / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – pp. 215-218.

¹⁷⁶ Park S. 'I Am a Korean Adoptee': A Story About Korean Adoptees in Scandinavia / Huffington Post Korea. – 2015. URL: https://www.huffingtonpost.kr/soyoun-park/korean-adoptee-story_b_7908510.html (дата обращения: 27.04.2019).

¹⁷⁷ Oh S. Op. cit. P. 219.

¹⁷⁸ Troyakova T., Tracy E.F. Is There a Transnational Korean Identity in Northeast Asia? The Case of Korean Diaspora in the Russian Far East // Asian Perspective. – 2018. Vol.42. №3. – pp. 405-406.

русский язык и их дальнейшего выпуска в виде книги. Необходимость в выпуске такой книги возникла ввиду того, что многим детям из корейской диаспоры, семьи которых решили вернуться в Республику Корея на постоянное место жительства, значительно не хватало навыков корейского языка. В итоге это вызывало большие проблемы с адаптацией к южнокорейскому обществу, прежде всего проявляющуюся в неспособности получать образование в школах, где преподавание уроков ведется исключительно на корейском языке.

Команда проекта «Карандаши» провела крупное исследование с целью выпустить книгу, комфортную для чтения детьми из корейской диаспоры из России. Так, например, содержащиеся в книге иллюстрации были сделаны с учетом дизайна современных российских книг со сказками. Более того, каждый элемент традиционной корейской культуры, скорее всего, незнакомый детям из диаспоры, обязательно был помечен сноской с объяснением, необходимым для улучшения понимания. Одним из двух основных спонсоров проекта выступило Министерство иностранных дел Республики Корея: команда проекта подала заявку на участие в конкурсе министерства под названием «Все граждане – общественные дипломаты», где одержала победу, получив для проекта необходимое финансирование. Следует отметить, что именно Министерство иностранных дел предложило расширить круг целевой аудитории: изначально проект предполагался исключительно для местных, уже переехавших из России, семей корейской диаспоры, однако благодаря предложению министерства проекту удалось также захватить диаспоры, все еще проживающие на территории России и стран СНГ. Однако, это был единственный раз, когда правительственная структура вмешалась в организацию проекта; в остальное время министерство осуществляло лишь пассивный мониторинг за реализацией проекта, а на предложение разместить логотип министерства на обложке книги ответило отказом.¹⁷⁹

Проект «Карандаши» можно назвать одним из успешных примеров осуществления публичной дипломатии Республики Корея посредством сотрудничества между правительственными и неправительственными структурами: центральная организационная позиция команды студентов и пассивная позиция министерства обеспечили доверие к проекту среди его целевой аудитории за рубежом, а присуждение проекту высшей награды на конкурсе Министерства иностранных дел и его частичное финансирование обеспечили доверие среди местных спонсоров, которые помогли покрыть оставшиеся расходы.

¹⁷⁹ Cho J. Non-State Actor Participation in Korean Public Diplomacy: Case Study of Karandashi Project / J. Cho // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – pp. 131-139.

Таким образом, характерной особенностью осуществления публичной дипломатии Республики Корея для США и России является возможность ее реализации существующими в этих странах корейскими диаспорами, выступающими в роли неправительственных акторов. Тем не менее необходимо помнить о том, что интересы и цели неправительственных акторов не всегда совпадают с теми, которые преследует государство. Более того, они могут быть диаметрально противоположными друг другу. Поэтому в случае возникновения возможности сотрудничества с общим направлением работы в рамках публичной дипломатии, обе стороны должны убедиться, что действуют в соответствии с основополагающими целями публичной дипломатии как внешнеполитического инструмента, а именно: повышение уровня влияния, улучшение имиджа, устранение недопонимания, налаживание конструктивного диалога и взаимопонимания, а также стремление к гармонии на основе уважения универсальных общечеловеческих ценностей.

Подводя итог всему вышесказанному, не остается сомнений в том, что публичная дипломатия Республики Корея отличается по-настоящему широкой ресурсной базой, которая позволяет в зависимости от направления корректировать формы ее осуществления. Выделенные в данной главе особенности, присущие определенным частям Тихоокеанского региона, служат в качестве не только основы для обозначения наиболее доминирующих тенденций в публичной дипломатии южнокорейского государства, но и в качестве тревожных маркеров, сигнализирующих о существующих проблемах в отношениях между государствами. Так, на примере Северо-Восточной Азии мы видим, как различные правительственные и общественные анти-халлю акции свидетельствуют о более глубоких разногласиях между государствами. В случае же Юго-Восточной Азии можно наблюдать прямо противоположную ситуацию, частично являющуюся косвенным результатом обострения отношений Республики Корея со своими ближайшими соседями. Однако наиболее любопытной представляется особенность осуществления южнокорейской публичной дипломатии, характерной для России и США: очевидно, что постоянное поддержание диалога со странами, играющими одну из ключевых ролей в развитии ситуации на Корейском полуострове, имеет немаловажное значение, и поэтому реализуется посредством любых доступных каналов. То есть необходимость постоянного нахождения новых точек соприкосновения в отношениях с США и Россией способствует развитию альтернативных вариантов осуществления публичной дипломатии Республики Корея.

Заключение

Исторически сложилось так, что довольно долгий период времени наблюдалось господство западной цивилизации во многих областях человеческой жизни, в том числе, в сфере научного знания. Теории и практики, выработанные представителями «незападной» цивилизации, бесцеремонно присваивались либо оставались совершенно непризнанными. Однако за последнюю четверть века мир претерпел ряд значительных изменений, создавших предпосылки к формированию многополярного мироустройства, в рамках которого предполагается, что идея цивилизационного равенства занимает одну из ключевых позиций. Поэтому на сегодняшний день существует тенденция к переосмыслению различных концепций, до недавнего времени обладавших одним вариантом интерпретации и считавшихся исключительно универсальными. В том числе это касается концепций «мягкой силы» и публичной дипломатии, которые стали особенно актуальными ввиду поиска новых форм эффективного взаимодействия между государствами в условиях одновременно протекающих процессов глобализации и регионализации.

Республика Корея входит в число стран, занимающих передовые позиции в области реализации публичной дипломатии. Южнокорейская специфика данного внешнеполитического инструмента во многом определяется тем, что его формирование значительным образом происходило под влиянием внешних и внутренних обстоятельств развития государства с момента его основания в 1948 г. Восстановление утраченной корейской национальной идентичности в период с конца 1940-х по конец 1980-х должно было помочь ускорить процесс экономического развития страны и укрепить легитимность власти того времени, что привело к возникновению различных правительственных структур и внутривластных практик, заложивших фундамент современной публичной дипломатии Республики Корея. Успех экономических реформ и последовавшая за ним демократизация социально-политической системы страны способствовали активному встраиванию Южной Кореи в меняющуюся структуру международных отношений в начале 1990-х гг., что позволило публичной дипломатии диверсифицировать свою направленность вовне. Либерализация культурной индустрии страны, ставшая прямым следствием Азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг., породила феномен «корейской волны» - основного драйвера современной публичной дипломатии, который придал ей полицентричный характер посредством вовлечения в процесс ее реализации новых негосударственных акторов. И наконец, возникновение необходимости повышения роли

южнокорейского государства на международной арене в конце 2000-х гг. ввиду ее несоответствия тем ресурсам и возможностям, которыми к тому времени располагала Республика Корея, сподвигло правительство на принятие решения о закреплении за страной статуса «средней державы» и его продвижения. В русле данного решения публичная дипломатия стала одним из основных инструментов внешней политики государства, что было зафиксировано принятием в 2016 г. соответствующего закона «О публичной дипломатии», обозначившего ключевой момент процесса ее институционализации.

Современная структура механизмов реализации публичной дипломатии Республики Корея состоит из различных правительственных и неправительственных ведомств и организаций, позволяющих как можно более полным образом использовать весь потенциал разнообразных ресурсов «мягкой силы» государства, что соответствует актуальной на данный момент концепции «новой публичной дипломатии» и ее идее о важности формирования связей как на уровне «правительство-зарубежное общество», так и на уровне «гражданское общество-зарубежное общество». Министерство иностранных дел Республики Корея занимает в данной структуре центральное положение, выполняя роль координирующего органа практически всей деятельности, связанной с публичной дипломатией. Аффилированные им Корейский фонд и Корейское агентство международного сотрудничества являются основными правительственными механизмами реализации социальных и экономических ресурсов «мягкой силы»: осуществление программ академического обмена и официальной помощи в целях развития способствует созданию крепких межличностных связей на основе взаимопонимания и взаимоуважения, гарантирующих долгосрочный характер результатов публичной дипломатии.

Однако стержневым элементом ее ресурсной базы без доли сомнения можно назвать культуру, для которой халлю – мощнейший инструмент ее трансляции за рубеж. Производимый корейской волной эффект оказывает значительное влияние на экономику, туризм и даже сферу образования. Популяризация корейской массовой и традиционной культуры делает возможным существенное расширение рынков сбыта корейских товаров, увеличение уровня туристических потоков в Республику Корея, а также повышает международный интерес к изучению корейского языка, в том числе, на территории страны его происхождения. Тем не менее феномен корейской волны обладает рядом недостатков, включая тенденцию активного навязывания своего продукта в крупных объемах, что вызывает негативную реакцию и в определенной мере снижает его эффективность в качестве движущей силы публичной дипломатии.

Благодаря обширному спектру ресурсов «мягкой силы» Республика Корея способна корректировать свою стратегию осуществления публичной дипломатии в зависимости от того, какое государство или их группа является целевой аудиторией. Тихоокеанский регион, выступающий в роли основной площадки международной деятельности Южной Кореи, отличается широким разнообразием входящих в него стран. В этой связи публичная дипломатия южнокорейского государства приобретает набор особенностей, характерных тому или иному направлению ее реализации.

Субрегион Северо-Восточной Азии, представленный Китаем, Японией и КНДР, подвержен наиболее продолжительному и внушительному по своим размерам влиянию корейской волны ввиду наличия территориальной, исторической и культурной близости. Однако этот же фактор обуславливает возникновение антихаллю движений, зачастую провоцируемых обострением неразрешенных национальных и территориальных конфликтов. В случае КНДР культура является одним из наиболее безопасных каналов налаживания связи. Субрегион Юго-Восточной Азии представляет собой один из ключевых объектов дипломатии средней державы Республики Корея, в рамках которой публичная дипломатия способствует «конструированию моста» между развитыми и развивающимися странами. При этом основным ресурсом «мягкой силы» выступает опыт успешного проведения экономических реформ и демократизации политической системы южнокорейского государства. В свою очередь отношениям с Россией и США – международными акторами, обладающими значительным положением в Тихоокеанском регионе и возможностью повлиять на развитие ситуации на Корейском полуострове, характерна постоянная необходимость поддержания диалога. В условиях отсутствия глубоких цивилизационных связей задача Южной Кореи по нахождению новых точек соприкосновения определяет развитие альтернативных методов реализации публичной дипломатии, и прежде всего речь идет о корейской диаспоре как о неправительственном акторе ее осуществления.

Таким образом, Республика Корея смогла воспользоваться потенциалом своих ресурсов «мягкой силы», внушительный объем которых достигался в течение долгого времени с момента образования государства, для развития публичной дипломатии в качестве одного из основных инструментов построения внешней политики страны. Об эффективности данного инструмента в первую очередь свидетельствует смена образа слабого, разрушенного, отсталого государства на имидж передового участника

международных политических процессов, подкрепляемый активной деятельностью Южной Кореи в различных межправительственных инициативах.

План властных структур по позиционированию государства в роли региональной средней державы по сути подчеркивал желание правительства Республики Корея добиться более значимого положения страны не только в Тихоокеанском регионе, но и в целом на международной арене. Однако декларируемый на данный момент времени статус не соответствует текущей действительности. Довольно непродолжительный срок пребывания одной политической силы у власти в Республике Корея создает ситуацию, при которой наблюдается непостоянство единой интерпретации и адаптации концепции «средней державы». В итоге это приводит к непоследовательной политике реализации публичной дипломатии и неравномерному наращиванию ее ресурсов. Напряжение в отношениях с Китаем и Японией как результат «корейской культурной экспансии», напрямую зависящей от экономических интересов частных агентов, а также критика со стороны международного сообщества за отсутствие систематического вклада в рамках оказания официальной помощи в целях развития – все это признаки дисбаланса отдельных элементов ресурсов «мягкой силы». Правительство Республики Корея нуждается в выработке единого понимания концепции «средней державы» в контексте южнокорейского государства, определении его целей и задач в данном статусе, что впоследствии должно усилить публичную дипломатию в качестве внешнеполитического инструмента и раскрыть потенциал новых ресурсов «мягкой силы». В этом отношении довольно перспективным является исследование возможностей Южной Кореи в области цифровой дипломатии, так как страна уже долгое время занимает лидирующие позиции в рейтингах по уровням проникновения Интернета, его скорости, использования социальных сетей и количеству обладателей смартфонов.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Блог «Korea is the heart and “Seoul” of public diplomacy these days». URL: <https://www.instagram.com/p/ВрqpCwkDvBc/> (дата обращения: 25.05.2019).
2. Документы Фонда / Корейский Фонд. URL: <http://ru.kf.or.kr/?menuno=793> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013 - 2020 годы / Российская Академия Наук. – 2012. – С. 203. URL: <http://www.ras.ru/scientificactivity/2013-2020plan.aspx> (дата обращения: 25.05.2019).
4. 2016 TOPIK Receives Record-high Applicants / Ministry of Education, Republic of Korea. URL: <http://english.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=265&boardSeq=64523&lev=0&searchType=S&statusYN=C&page=1&s=english&m=0301&opType=N> (дата обращения: 31.03.2019).
5. About / National Polytechnic Institute of Cambodia. URL: <http://npic.edu.kh/about/> (дата обращения: 26.04.2019).
6. Annual Report KF 2017 / Korea Foundation. – Seoul, 2017. – 53 p.
7. ASEAN-Korea Relations / ASEAN-Korea Centre. URL: https://www.aseankorea.org/eng/ASEAN/ak_overview.asp (дата обращения: 26.04.2019).
8. Country Partnership Strategy / ODA Korea. URL: <http://www.odakorea.go.kr/eng.policy.CountryPartnershipStrategy.do> (дата обращения: 24.03.2019).
9. Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – Seoul, 2010. – 275 p.
10. Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. – Seoul, 2018. – 265 p.
11. Diplomatic White Paper / Ministry of Foreign Affairs. – Seoul, 2014. – 391 p.
12. Discover Seoul Pass BTS Edition / Discover Seoul Pass. – 2018. URL: <https://www.discoverseoulpass.com/introduce/bts> (дата обращения: 1.04.2019).
13. Facts / Seoul National University. URL: <http://www.useoul.edu/facts> (дата обращения: 31.03.2019).
14. GKS Degree Program / National Institute for International Education Development. URL: <http://www.niied.go.kr/user/nd35203.do> (дата обращения: 24.03.2019).

15. Global King Sejong / King Sejong Institute Foundation. URL: <https://www.ksif.or.kr/ste/ksf/hkd/lochkd.do?menuNo=21101800> (дата обращения: 24.03.2019).
16. Greetings from the Director of Korean Culture and Information Service / Korean Culture and Information Service. URL: <http://www.kocis.go.kr/eng/openGreetings.do> (дата обращения: 24.03.2019).
17. History of Korea's ODA and KOICA / K-Developedia. URL: https://www.kdevelopedia.org/Development-Overview/official-aid/history-korea-s-odkoica--201412110000389.do?fldRoot=TP_ODA&subCategory=TP_ODA_GE#.XllexB7iLIV (дата обращения: 16.03.2019).
18. Inaugural Address by Kim Dae-jung the 15th-term President of the Republic of Korea / Ministry of Unification, Republic of Korea. URL: https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/news/speeches/%3Bjsessionid=HXI4u4Ynlv14Y72tUznSAQkn.unikorea11?boardId=bbs_0000000000000036&mode=view&cntId=31906&category=&pageIdx=10 (дата обращения: 16.03.2019).
19. Korea's ODA White Paper 2017 / The Committee for International Development Cooperation. – Seoul, 2017. – 181 p.
20. Ministry of Foreign Affairs Act No. 13951 of February 3, 2016. Public Diplomacy Act / The Korea Legislation Research Institute. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=39471&type=new&key= (дата обращения: 17.03.2019).
21. Mission & Vision / Korea International Cooperation Agency. URL: https://www.koica.go.kr/koica_en/3386/subview.do (дата обращения: 24.03.2019).
22. Presidential Decree No. 27438 of August 4, 2016. Enforcement Decree of the Public Diplomacy Act / The Korea Legislation Research Institute. URL: http://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=45477&type=lawname&key=public+diplomacy (дата обращения: 23.03.2019).
23. Statistics Arrivals & Departures by year / Korea Tourism Organization. URL: <https://kto.visitkorea.or.kr/eng/tourismStatics/keyFacts/KoreaMonthlyStatistics/eng/inout/inout.kto> (дата обращения: 31.03.2019).
24. The 10th Asian Games, Seoul, 1986 / Olympic Council of Asia. URL: <http://www.ocasia.org/Game/GHAFDetails?q=NtpwTOliipDwo6ShqBnES9pAr07vw1qrXHujsQhealAMiTOIMPbUkOPpyPyEphz+Dah3FPOb7tPqg6E5o6ISTw==> (дата обращения: 15.03.2019).

25. Tian N., Fleurant A., Kuimova A. Trends in world military expenditure, 2018 // SIPRI Fact Sheet. – Stockholm: SIPRI, 2019. – 12 p.
26. Type of Aid / KOICA statistics. URL: <http://stat.koica.go.kr/ipm/os/acms/btypPrjctCoList.do?lang=en> (дата обращения: 24.03.2019).
27. Vision and Mission / Korean Culture and Information Service. URL: <http://www.kocis.go.kr/eng/openVision.do> (дата обращения: 24.03.2019).
28. 2018 년도 공공외교 종합시행계획 I / 외교부. – 서울, 2018. – 455 쪽 (Всеобъемлющий план публичной дипломатии на 2018 г. Часть 1 / Министерство иностранных дел Республики Корея. – Сеул, 2018. – 455 с.) URL: <http://www.publicdiplomacy.go.kr/introduce/public.jsp> (дата обращения: 23.03.2019).
29. 2019 년 외교부 주요업무 추진계획 / 외교부. – 서울, 2019. – 2 쪽 (План основных мероприятий МИД Республики Корея на 2019 г. – Сеул, 2018. – 17 с.) URL: http://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4080/view.do?seq=369060 (дата обращения: 23.03.2019).
30. 문화협정 / 공공외교 포털 (Соглашение о культурном сотрудничестве / Портал публичной дипломатии МИД Республики Корея). URL: http://www.publicdiplomacy.go.kr/summary/summary_public02.jsp (дата обращения: 23.03.2019).
31. 방탄소년단(BTS)의 경제적 효과 / 현대경제연구원. – 2018. – 11 쪽 (Экономический эффект BTS / Исследовательский институт Хёндэ. – 2018. – 11 стр.).
32. 제 1 차 대한민국 공공외교 기본계획 [2017-2021] / 외교부. – 서울, 2017. – 15-45 쪽 (Первый основополагающий план публичной дипломатии Республики Корея на 2017-2021 гг. / Министерство иностранных дел Республики Корея. – Сеул, 2017. – 55 с.) URL: <http://www.publicdiplomacy.go.kr/introduce/public.jsp> (дата обращения: 23.03.2019).
33. 한국외교 60 년 1948 - 2008 / 외교통상부. – 서울, 2009. - 546 쪽 (60 лет корейской дипломатии 1948–2008 гг. / Министерство иностранных дел и торговли Республики Корея. – Сеул, 2009. – 546 с.) URL: http://www.mofa.go.kr/www/wpge/m_4098/contents.do (дата обращения: 15.03.2019).

Литература

34. Аигина Е.В., Новикова Е.Ю. Халлю-туризм («Корейская волна») как новое направление развития туризма в Республике Корея // Вестник РМАТ. – 2017. №1. – С. 140-145.

35. Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. №2. – С. 275-280.
36. Зонова Т. В. Дипломатия: Модели, формы, методы: Учебник для вузов / Т. В. Зонова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 348 с.
37. Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. №2. - С. 147-155.
38. Лебедева М.М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? / М.М. Лебедева // Публичная дипломатия: Теория и практика / Под ред. М.М. Лебедева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 8-20.
39. «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики: монография / С.К. Песцов, А.М. Бобыло, Л.Р. Рустамова, Л.Е. Козлов, М.С. Черепанов, А.А. Бояркина, К.Ф. Лыков, М.П. Першина; [науч. ред. С.К. Песцов]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 192 с.
40. Полосина Е.В. «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. – СПб.: «Скифия-принт», 2012 — 448 с.
41. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. №2. – С. 19-26.
42. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905-1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945-1992 гг. (Кан Мангиль) / Ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцевой; Под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.) – М.: Наталис, 2011. – 499 с.
43. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2011. №3. - С. 109-122.
44. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914-2014 гг.: Дисс. ...д-ра ист. наук. – СПб, 2015. – 552 с.
45. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. – 2015. Том 13. № 3. – С. 121 – 133.

46. Abduazimov M.S. Public Diplomacy: Reappraising the South Korean Case through an Evolutionary Approach // Korea Journal. – 2017. Vol. 57. №3. – pp. 83-111.
47. Anantasirikiat S. “Partnering for Tomorrow”: Conceptualizing South Korea’s Public Diplomacy Approach toward ASEAN / S. Anantasirikiat // Korea’s Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – pp. 223-255.
48. Anantasirikiat S. Making Friends with ASEAN Countries through Korea Foundation’s Educational Programs / S. Anantasirikiat // Korea’s Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – pp. 197-229.
49. Armitage R., Nye, Jr. J.S. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America / cochairs, R. Armitage, J. S. Nye, Jr. – Washington D.C.: The CSIS Press, 2007. – 82 p.
50. Ayhan K. Branding Korea as “My Friend’s Country”: The Case of VANK’s Cyber Public Diplomats // Korea Observer. – 2018. Vol. 49. №1. – pp. 51-81.
51. Ayhan K. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project // Korea Observer. – 2019. Vol. 50. №1. – pp. 1-24.
52. Cho J. Non-State Actor Participation in Korean Public Diplomacy: Case Study of Karandashi Project / J. Cho // Korea’s Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – pp. 125-144.
53. Choi K. The Republic of Korea’s Public Diplomacy Strategy: History and Current Status / USC Center on Public Diplomacy – Los Angeles: Figueroa Press, 2019. – 55 p.
54. Cooper A., Higgott R., Nossal K. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order / A. Cooper. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1993. – 232 p.
55. Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – pp. 10-30.
56. Cull N.J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – pp. 31-54.
57. Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion. The Evolution of a Phrase / N.J. Cull // Routledge Handbook of Public Diplomacy / ed. N. Snow, P.M. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – pp. 19-23.
58. Dal Y. Hallyu 2.0: The New Korean Wave in the Creative Industry // International Institute Journal. – 2012. Vol.2. №1. – pp. 3-7.

59. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. Vol. 616. – pp. 55-77.
60. Gilboa E. The public diplomacy of middle powers // *Public Diplomacy Magazine*. – 2009. Vol. 1. №2. – pp. 22-28.
61. Hernandez E. Annyeonghaseyo to the Digital Sphere: The Online Public Diplomacy of the Korean Diaspora in the US / E. Hernandez // *Korea's Public Diplomacy* / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – pp. 187-208.
62. Jang G., Paik W.K. Korean Wave as Tool for Korea's New Cultural Diplomacy // *Advances in Applied Sociology*. – 2012. Vol.2. №3. – pp. 196-202.
63. Kim H. When public diplomacy faces trade barriers and diplomatic frictions: the case of the Korean Wave // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2018. Vol.14. №4. – pp. 234-244.
64. Kim J., Lee J. Korean Pop Culture: A Decade of Ups and Downs // *International Journal of Multimedia and Ubiquitous Engineering*. – 2014. Vol.9. №3. – pp. 129-134.
65. Kim S. South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges / Chatham House. – London: The Royal Institute of International Affairs, 2016. – 16 p.
66. Kim T. Paradigm Shift in Diplomacy: A Conceptual Model for Korea's "New Public Diplomacy" // *Korea Observer*. – 2012. Vol. 43. №4. – pp. 527-555.
67. Kim E., Ryou J. South Korean Culture Goes Global: K-Pop and the Korean Wave // *Korean Social Science Journal*. – 2007. XXXIV. №1. – pp. 117-152.
68. Larson J.F., Rivenburgh N.K. Televised Constructions of the Seoul Olympic Opening Ceremony in Australia, the United Kingdom, and the United States / *The Educational Resources Information Center (ERIC)*. – 1989. – 43 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED313732.pdf> (дата обращения: 16.03.2019).
69. Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // *Korean Journal of Defense Analysis*. – 2009. Vol. 21. №2. – pp. 205-218.
70. Lee G. The Clash of Soft Powers Between China and Japan: Synergy and Dilemmas at the Six-party Talks // *Asian Perspective*. – 2010. Vol. 34. №2. – pp. 113-139.
71. Lee S.J. South Korea's Middle Power Activism and the Retooling of Its Public Diplomacy // Melissen J., Sohn Y. *Understanding Public Diplomacy in East Asia*. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – pp. 107-129.

72. Lee S.J. South Korean Soft Power and How South Korea Views the Soft Power of Others // Lee S.J., Melissen J. Public Diplomacy and Soft Power in East Asia. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – pp. 139-161.
73. Ma Y., Song J., & Moore D. Korea's Public Diplomacy: A New Initiative for the Future // Issue Brief by The Asan Institute for Policy Studies. – 2012. № 39. – 25 p.
74. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice / J. Melissen // The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations / ed. J. Melissen. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – pp. 3-27.
75. Morin-Gelinas S. South Korean Public Diplomacy via Development Cooperation: The cases of bridge diplomacy at the International Development Agenda and the Knowledge Sharing Programme / S. Morin-Gelinas // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – pp. 145-163.
76. Nye, Jr. J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / New York: Basic Books, 1991. — 336 p.
77. Nye, Jr. J.S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. Vol. 616. – pp. 94-109.
78. Nye, Jr. J.S. Soft Power // Foreign Policy. – Washington D.C.: Slate Group, LLC, 1990. - №80. – pp. 153-171.
79. Nye, Jr. J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / ed. J.S. Nye, Jr. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
80. Oh S. Hallyu (Korean Wave) as Korea's Cultural Public Diplomacy in China and Japan / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2016. – pp. 167-196.
81. Oh S. Non-state Actors Case Study: Korean Quarterly, the Voice of Korean Adoptees in U.S. / S. Oh // Korea's Public Diplomacy / ed. K. Ayhan. – Seoul: Hangang Network, 2017. – pp. 209-222.
82. Park H. Film Censorship and Political Legitimation in South Korea, 1987-1992 // Cinema Journal. – 2002. Vol. 42. №1. – pp. 120-138.
83. Park M. South Korea Cultural History Between 1960s and 2012 // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. – 2015. Vol. 1. – pp. 71-118.
84. Park S. The Paradox of Postcolonial Korean Nationalism: State-Sponsored Cultural Policy in South Korea, 1965-Present // The Journal of Korean Studies. – 2010. Vol. 15. №1. – pp. 67-93.

85. Ravenhill J. Cycles of middle power activism: Constraint and choice in Australian and Canadian foreign policies // *Australian Journal of International Affairs*. – 1998. Vol. 52. №3. – pp. 309-327.
86. Sakamoto R., Allen M. «Hating 'The Korean Wave'» Comic Books: A sign of New Nationalism in Japan? // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. – 2007. Vol.5. №10. – 16 p.
87. Snow N. Rethinking Public Diplomacy / N. Snow // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / ed. N. Snow, P.M. Taylor. – New York: Routledge, 2009. – pp. 3-11.
88. Snow N. United States Information Agency // *Foreign Policy in Focus*. – 1997. Vol. 2. №40. – pp. 1-4.
89. Sohn Y. Attracting Neighbors: Soft Power Competition in East Asia // *The Korean Journal of Policy Studies*. – 2011. Vol. 1. №1. – pp. 77-96.
90. Stokes B., Devlin K. Despite Rising Economic Confidence, Japanese See Best Days Behind Them and Say Children Face a Bleak Future / *Pew Research Center*. – 2018. – 46 p.
91. Trent D.L. American Diaspora Diplomacy: U.S. Foreign Policy and Lebanese Americans / *Discussion Paper in Diplomacy*. – Hague: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2012. - №125. – 49 p.
92. Troyakova T., Tracy E.F. Is There a Transnational Korean Identity in Northeast Asia? The Case of Korean Diaspora in the Russian Far East // *Asian Perspective*. – 2018. Vol.42. №3. – pp. 387-410.
93. Wilson E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. Vol. 616. – pp. 110-124.
94. Yim H. Cultural Identity and Cultural Policy in South Korea // *The International Journal of Cultural Policy*. – 2002. Vol. 8. – pp. 37-48.
95. Yoon S. Cultural Identity and Korean Historical Television Dramas / S. Yoon // *The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound* / ed.: V. Marinescu. – London: Lexington Books, 2014. – pp. 7-17.

Материалы СМИ

96. Саммит АСЕАН - Корея пройдет в 2019 году в Сеуле / ТАСС. – 2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5790635> (дата обращения: 26.04.2019).
97. США готовы обеспечить защиту Южной Кореи от ядерного оружия / ТАСС. – 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3718636> (дата обращения: 25.04.2019).

98. Япония и Южная Корея: конфликт набирает обороты / Euronews. – 2012. URL: <https://ru.euronews.com/2012/08/15/anniversary-tensions-mount-between-japan-and-south-korea> (дата обращения: 25.04.2019).
99. Kim A. Fan translators break through K-pop's language barrier / The Korea Herald. – 2019. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20190328000797&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 1.04.2019).
100. Kim B. Hyundai Motor goes all-out in US marketing on signs of recovery / The Korea Herald. – 2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181204000667&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 1.04.2019).
101. Kim J. China's ban shifting hallyu to Southeast Asia / The Korea Times. – 2017. URL: <http://www.koreatimes.co.kr/www2/index.asp> (дата обращения: 26.04.2019).
102. Kim Y. Korea's 'Look South Policy' / The Korea Herald. – 2017. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=%2020170830000895> (дата обращения: 26.04.2019).
103. Park S. 'I Am A Korean Adoptee': A Story About Korean Adoptees in Scandinavia / Huffington Post Korea. – 2015. URL: https://www.huffingtonpost.kr/soyoun-park/korean-adoptee-story_b_7908510.html (дата обращения: 27.04.2019).
104. Schilling M. Japanese rally against Fuji TV / Variety. – 2011. URL: <https://variety.com/2011/tv/news/japanese-rally-against-fuji-tv-1118041653/> (дата обращения: 25.04.2019).
105. South Korean K-pop stars perform for Kim Jong-un in Pyongyang / The Guardian. – 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/01/south-korean-k-pop-stars-perform-for-kim-jong-un-in-pyongyang> (дата обращения: 25.04.2019).
106. Xu A., Nahm H. Hallyu exports hit USD 8.2 billion // Korea.net. – 2018. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/Culture/view?articleId=159075> (дата обращения: 31.03.2019).
107. Yim H. BTS' motivational UN speech transcends race and gender identity / The Korea Herald. – 2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180925000087&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 1.04.2019).
108. 김용운. 정부 한류문화진흥단 30일 출범 // 이데일리. – 2012. (Ким Ё. 30 января было учреждено Общество популяризации культуры халлю при правительстве Республики Корея // Идэилли. – 2012.) URL:

<http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=01961446599402968&mediaCodeNo=257> (дата обращения: 31.03.2019).

109. 김태우. 방탄소년단 정국의 한마디에 '다우니 어도러블' 품절 사태가 벌어졌다 // 허프포스트코리아. – 2019. (Ким Т. Одно слово Чон Гука из BTS – и «Downey Adorable» уже распродан // Хаффингтон пост. – 2019.) URL: https://www.huffingtonpost.kr/entry/jung-gook_kr_5c469d56e4b027c3bbc4a7dc (дата обращения: 31.03.2019).